

The book cover features a painterly illustration. In the foreground, a woman with blonde hair and blue eyes, wearing a dark hat with a large light blue ribbon, looks directly at the viewer. To her right, a large, translucent hourglass is visible. In the background, a man in a red hooded jacket and blue pants stands with his hands behind his head, looking upwards. Three white birds with black wings are flying in the upper left against a warm, orange-brown background.

ГАДАНИЕ ПО ЖУРАВЛЯМ

Иван
Снежневский

16+

Иван Снежневский
Гадание по журавлям

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Снежневский И.

Гадание по журавлям / И. Снежневский — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Студент-медик и его подруга случайно находят в развалинах старинной усадьбы останки девушки, умершей около ста лет назад, – так начинается удивительная история о любви и смерти, самоотверженности и предательстве, одиночестве и счастье. Главному герою предстоит пройти путь длиною в целое столетие, меняя страны и континенты, постичь хитросплетения прошлого и настоящего, найти новую дорогу и обрести любовь в нынешней жизни. Роман написан ярким, образным языком, способным доставить искушенному читателю эстетическое наслаждение.

Содержание

Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	44

*Быть может, все погибает – так выразим же нечто такое,
что, возможно, имеет надежду выжить.*

Витольд Лютославский

Пролог

Меж приоткрытых створок французского окна был виден сад – размытые вчерашним дождем пятна акварели. Зрение уже давно отказывало, но взор памяти по-прежнему позволял Марфе рассматривать каждый уголок прилегающего к дому пространства. Возле крыльца цвели поздние астры и флоксы, дополняя осеннюю палитру лиловыми, розовыми и белыми решительными мазками. Копать и полоть Марфа давно уже не могла, и своенравный сад постепенно зарастал, дичал, обретая собственную индивидуальность, отличную от представлений человека. Она и саму себя отчасти ощущала таким садом – запущенным, позабытым и потому раскрывшимся во всей самобытности и самодостаточности.

Марфа всегда любила эту пору – перед самыми холодами, когда всполохи цвета на зеленом фоне вдруг превращались в кричаще яркие языки пламени, чтобы вскоре поблекнуть, угаснуть, а затем и вовсе раствориться в черно-белой гравировке зимы.

Сад умирал, дабы через несколько холодных месяцев вновь отогреться, пробудиться, зацвести. Она умирала, чтобы кануть в небытие. В этом ей виделась какая-то вселенская ошибка. Или заблуждалась она, полагая, что ей не дано возродиться?

Возникло желание с кем-то об этом поговорить, и она даже произнесла вслух несколько слов, заставивших слегка всколыхнуться залежавшееся тело окружающей тишины и вернувшихся к ней гулким эхом. Так уж вышло, что свой смертный час она встречает одна. Сперва не хотелось никого беспокоить, а теперь уж было поздно. Утром, выслушивая ее дыхание и сердцебиение, сиделка со свойственной профессиональным медикам леденящей прямоотой объявила, что конец может наступить в любой момент. Сегодня. Сейчас.

О смерти думать не хотелось. Если есть там, за гранью, что-то кроме пустоты и бездны, она об этом очень скоро узнает, бесполезно размышлять, что да как. Если же нет ничего – так тем более не о чем раздумывать. Куда приятнее представлять себе осенний сад и листья, и цветы, и птах, порхающих в кустах в своих предзимних хлопотах.

Места, лежащие по другую сторону дома, Марфа старалась не посещать даже мысленно – там обитали худшие кошмары ее детства, и на пороге смерти не переставшие иметь значение. Казалось бы, чего может бояться человек, уже несколько месяцев прикованный к постели и со дня на день ожидающий неизбежного конца? Но в том-то и особенность детских страхов: они существуют независимо от сознания и возникают словно из ниоткуда, заставляя сердце сжиматься от ужаса без видимой причины.

Ее жизнь всегда была наполнена тайнами, буквально начиная с рождения. Никто прямо не говорил, от кого понесла ее мать – это в селе-то, где все друг у друга на виду. Жили они с Агатой всегда обособленно, в бывшем флигеле помещицкой усадьбы, единственном уцелевшем строении обширного некогда имения. Марфа знала, что барский дом сторел вскоре после ее рождения, но вокруг обстоятельств всего, предшествующего этому, словно существовал заговор молчания. И во времена ее детства, и после в округе старались не упоминать об усадьбе, называя ее руины «черным местом». А самая удобная дорога в село, проходящая рядом с пожарным, быстро зарастала, словно окрестные жители дружно сторонились этого пути.

Ей было лет пять, когда случилось то, отчего бывшая усадьба стала излюбленной сценой действия ее ночных кошмаров. С тех пор Марфа избегала даже мыслей об этом заброшенном уголке. Вот и сейчас, едва перед внутренним взором промелькнули образы мрачного заросшего пруда и лежащих за ним развалин, она поежилась, словно от дуновения ледяного ветра, и впервые пожалела, что совсем одна в пустом доме, не считая Наташи, наемной медсестры-сиделки.

До сего момента одиночество в столь важный день не тяготило ее. Семья разлетелась, подобно пушинкам одуванчика, подхваченным непредсказуемым ветром все ускоряющихся

времен. Внуки, правнуки, а может, уже и праправнуки ныне разбросаны по огромной планете. Она любила их лишь необременительным чувством кровного родства, поскольку почти не знала. И абстрактной привязанности этой было явно недостаточно, чтобы захотеть разделить с кем-то из них торжественный и печальный момент собственной смерти. Многочисленные ученики, в которых усилий и души было вложено не меньше, чем в родных детей, тоже предпочитали медленно угасающей деревне большие города. Многие из них, посещая родные края, навещали ее, но постепенно визиты становились все реже, а потом и вовсе сошли на нет: кто-то умер, кто-то уехал слишком далеко. У прочих же благодарность первой учительнице выцветала с каждым годом, будто старая фотография, пока не превратилась в едва заметные очертания на самой границе памяти. Лишь Олечка, крестница, долго продолжала навещаться к старухе, но недавно и ее не стало на этом свете. Тем, кто боится одиночества, не стоит жить так долго, как я, с легкой грустью подумала Марфа.

Жизнь и ее не раз соблазняла возможностью покинуть эти тоскливые, постепенно пустеющие края. Но что-то здесь держало ее столь крепко, что невозможно было разорвать невидимые путы. А может, и не было никаких тайных причин – просто она принадлежала к иной эпохе. Раньше люди рождались, жили и умирали, как правило, в одном и том же месте. Марфа появилась на свет почти столетие назад в этом самом доме, где лежит теперь на смертном одре, борясь с усиливающейся одышкой и в последний раз любясь осенним великолепием сада...

Она позволила мысленному взгляду скользнуть дальше, за пышные желто-зеленые кусты бузины, скрывающие калитку в конце участка, и оказалась в просторной, светлой, усыпанной золотом березовой роще, где летом в высокой траве прячутся чудесные крепкие грибы. За березняком из-за изогнутых кружевными параболой ив выглядывала сонная ленивая речка, густо заросшая камышом. На реке когда-то была мельница, теперь уж от нее и следа не осталось, но преимущество умозрительных прогулок в том, что можно воскресить и перемешать все, что память накопила за долгие годы. Огромное, почерневшее от воды колесо замерло в неподвижности, остов пестрел щелями от выломанных досок, придавая постройке сходство со скелетом сказочного чудовища. Однако это угрюмое зрелище ее никогда не страшило – все монстры обитали по другую сторону дома...

Извилистая тропинка мыслей вновь своевольно вильнула в сторону бывшей усадьбы. Какая жуткая тьма некогда окутала это место, что теперь, спустя целый век, ощущение мрака не только не развеялось, а словно стало еще гуще? Воображение давно уже слило воедино все собранные за долгую жизнь слухи, случайные фразы, нечаянные оговорки и нарисовало картину, вероятно, весьма далекую от реальности, но от того еще более зловещую. Колдун, служение Дьяволу, жертвоприношения, кровь младенцев – все это произносилось местными жителями срывающимся шепотом и более всего походило на досужие фантазии. Но в одном Марфа не сомневалась – отсюда, из ничем не примечательного уголка земли, вырвалось Зло. Оттого и место это проклято вовеки – неважно, что современники ничего не знают о прошлом, каждый интуитивно чувствует тьму и старается обходить ее стороной.

Сиделка как-то упомянула – Марфа не помнила, как давно это было, время для нее текло иначе, чем прежде, – что на развалины усадьбы приезжали люди из полиции и с телевидения, а в деревне поговаривают, что там нашли то ли скелет, то ли орудия пыток – но точно что-то ужасное. «Глупости, – проворчала тогда Марфа. – Там сто лет уже, как все сгорело. Им только бы языками чесать».

Наталья была опытной профессиональной медсестрой, но старая учительница, давно перешагнувшая девятый десяток, считала ее, свою бывшую ученицу, сущей девчонкой, и потому не сочла нужным делиться истинными мыслями на сей счет. А ночью ей приснился скверный сон, которого она не видела уже несколько десятков лет, и считала, что избавилась навсегда...

– Марфа, к вам посетитель, – раздался мягкий голос Наташи, вырывая сознание из липкой паутины задумчивости и заставляя ощутить грубую фактуру реальности вкупе с нарастающей тяжестью в груди и ноющим зудом лишённого движения тела.

Посетитель? Марфа удивилась, но не слишком. Местные жители ее не навещали, да и вообще наверняка забыли о существовании живущей на отшибе древней старухи. Но мало ли кого из ее многочисленных потомков могло принести мимоходом к постели умирающей. Однако в бесстрастном сообщении сиделки ей почудилось что-то, указывающее на экстраординарность происходящего. Она кивнула, соглашаясь принять визитера. Как-никак незваному гостю, выходит, отведена в ее жизни особая роль: он последний, кто увидит ее живой, поговорит с ней, посмотрит в затянутые мутной патиной старости глаза. «Кто бы это мог быть?» – подумала она без любопытства.

В комнату вошел высокий светловолосый человек. Хотя лица она была не в силах рассмотреть, но сразу стало ясно, как он молод – легкая походка и порывистость движений выдали его юный возраст. С утратой одних способов восприятия всякая божья тварь начинает развивать другие, и теперь Марфа по размытому силуэту, пятнам цвета, поступи и жестам умела вычислить целостный образ. Она быстро уверилась, что незнакома со своим неожиданным посетителем.

Юноша приближался, постепенно обретая резкость, но не становясь от этого ни яснее, ни уместнее. Подойдя к кровати почти вплотную, он неожиданно опустился на колени, и до ее ушей донесся взволнованный полусшепот:

– Наконец-то я тебя нашел!

Глава первая

Дитя и волшебство

Иван, 2016

Туалет ночного клуба предсказуемо источал смесь миазмов, напоминающую обо всех вариантах последствий злоупотребления дешевыми алкогольными коктейлями. Должен признаться, я только что внес свой вклад в букет местных ароматов и теперь, склонившись над раковиной, при помощи холодной воды пытался придать своей физиономии хоть сколько-нибудь пристойный вид. Заранее испытывая омерзение, неохотно поднял глаза к зеркалу, чтобы оценить результат...

Эффект получился воистину ошеломляющим: из иллюзорного пространства за стеклом на меня смотрело лицо глубокого старика. В его чертах, возможно, было что-то общее с моими, но жухлая седина волос, грязно-желтые кляксы пигментных пятен и неровные борозды морщин исключали возможность того, что это мой облик так преобразился, сколько б перед этим я ни выпил. Я обернулся, ожидая увидеть за спиной незнакомца, но там никого не обнаружилось. Вновь повернувшись к зеркалу и встретившись глазами с отражением, я с отвращением и страхом отметил, что неизвестный по ту сторону стекла в точности повторяет мои движения. Открыв воду, я резко сунул голову под кран, мучаясь подозрением, что на сей раз перебрал-таки конкретно.

Потратив пару минут на водные процедуры, я вновь поднял глаза и с опаской взглянул в зеркало. Покрытая амальгамой поверхность отразила мой привычный вид, увы, в данный момент весьма жалкий: короткие светлые волосы слиплись в неопрятные колтуны, глаза красные и воспаленные, ворот мятой рубашки испачкан чем-то мерзким. Но все же это был, несомненно, я. Испытав немалое облегчение, я еще раз тревожно оглядел помещение туалета и его отражение в широком зеркале, убедившись, что и там, и тут оно абсолютно пусто, не считая меня самого. Адреналин схлынул, вернулись более насущные проблемы, и я снова был вынужден склониться над умывальником.

Доведение собственного организма до такого плачевного состояния обычно мне не свойственно, но вчера произошла особенно жуткая автомобильная авария, и наш приемный покой (какой чудак назвал его покоем?), без того бывший не самым милым местечком во вселенной, превратился в филиал преисподней – кровь и неописуемые страдания. Закончил я дежурство полностью измочаленным и физически, и духовно. Заступившая на смену санитарка Петровна, всеми даже в глаза именуемая Сфинксом, сочувственно проворчала:

– И на фиг тебе, молодому парню, почти уже доктору, эта канитель?

От усталости не в силах даже говорить, я только вздохнул, уныло глядя на старого мудрого Сфинкса, задающего, по обыкновению, вопрос, кажущийся нерешаемой загадкой мироздания. Прозвище свое эта выдающаяся во всех отношениях женщина получила не из-за того, что работала в нашей больнице целую вечность, и даже не по причине монументальной физической и душевной конструкции – просто ее лицо один в один напоминало знаменитую египетскую скульптуру. Только облик Большого Сфинкса долго уродовали прицельным огнем пушки армии Наполеона, а с лицом Петровны в одиночку управился парой ударов кулаком ее муж-алкоголик.

Петровна проводила меня анекдотом:

– Вань, зацени: санитар умирает, попадает в ад. И только через два дня понимает, что он не на работе. Хо-хо-хо!..

Я распахнул дверь туалета, впустив в помещение изрядную порцию царящей снаружи какофонии – коктейля из громкой безвкусной музыки и пьяных криков неистовствующей на танцполе толпы, немного помедлил и начал протискиваться меж потных, дергающихся тел к стойке бара, периодически натываясь на неудачно расставленные, избыточные острыми углами скульптуры в африканском стиле. На вывеске этого изысканного заведения красовалась сделанная вычурным шрифтом надпись: «Десять негритят». Не могу представить человека, в чью светлую голову пришла идея дать ночному клубу название шедевра Агаты Кристи, где каждого героя ждала расплата за тайные грехи...

Впрочем, грехов – как тайных, так и явных – здесь хватало. Вон рыжий парень с мучнисто-белым лицом ловко, почти незаметно обменивает всем желающим шуршащие бумажки на пакетики с цветными капсулами. Меня угнетала мысль, что он, вероятно, мой будущий коллега: сегодня здесь тусовались почти исключительно студенты меда. Кто-то жаждет спасать жизни, кому-то нужен доступ к таблеткам. *C'est la vie*, как говорится. Но все равно тошно.

А вот в замысловатых позах примостились к барной стойке привлекательные юные нимфы, если попробовать к ним подкатить – получишь сперва быстрый внимательный оценивающий взгляд, а затем резкий отпор. Малообеспеченные студенты таких не интересуют, они здесь типа на охоте. Явились, не зная, что сегодня в клубе гуляет лечфак. Но главное – не понимают, дурочки, что дичь куда чаще имеет охотника, чем это принято считать. На дежурстве в приемном отделении я много перевидал подобных неумелых охотниц, доставляемых «Скорой» со следами побоев и различными интимными травмами, порою весьма затейливыми. Жаль девчонок, но против наивной дурости нет иного лекарства, кроме как горький опыт. Да и он – увы – не панацея...

Алкогольный дурман начал потихоньку покидать мою голову, оставляя лишь мучительное глухое гудение. Я устроился за стойкой бара, уткнувшись в смартфон и неловко листая вкладки все еще не вернувшимся полностью под контроль мозга пальцем. Передо мной стоял стакан с виски, родившийся из импульсивной идеи лечить подобное подобным, но приступать к процедуре я не спешил. Из наушников в меня лилась шестая симфония Моцарта в исполнении Берлинского симфонического оркестра. Торжественная и легкая поступь аданте резко контрастировала с бесноватыми движениями танцующей под попсу тусовки. Обычно хорошая музыка помогала мне вернуться к настройкам «по умолчанию» – то есть к привычному для меня мирному и спокойному расположению духа, но сегодня все было не так. Случается, какая-то мелочь выбивает из колеи сильнее, чем серьезное происшествие. Мне все время чудилось лицо старика в зеркале – я чувствовал, что это была не просто галлюцинация на почве алкогольной интоксикации, а часть какой-то грандиозной загадки...

Она подошла, как всегда, незаметно. Приобняв меня, слегка оттянула наушник и прислушалась, касаясь ухом моей щеки. Уловив Моцарта, поморщилась и отстранилась. Кивнув бармену, мол, сделай как обычно, уселась на высокий табурет, закинув ногу на ногу и обнажив совершенной формы колено. Ну, возможно, ее ноги и не совсем идеальны, но их вид неизменно заставляет мое сердце чуть ли не фибриллировать. Она поймала мой взгляд, и прочитанное в нем желание явно доставило ей удовольствие. Я старался не допускать фривольных мыслей на ее счет: красивых девушек кругом полно, а верные друзья на дороге не валяются. «Разряд!» – мысленно скомандовал я и усмехнулся собственной шутке. Она сочла, что улыбка предназначена ей, и нахально отпила из моего стакана, поскольку ее заказ еще болтался в шейкере в руках бармена.

Анна. Она с раннего детства признавала только полную форму своего имени. Никаких Ань, Анек и Анечек, а за Анюту или – того хуже – Нюру можно было и вовсе серьезно огрести.

Я хотел, как обычно, поделиться со своей лучшей подругой хотя бы частью душевной боли от созерцания человеческих страданий, обрушившейся за последние сутки в мой хрупкий внутренний мир, но неожиданно для себя самого заговорил о другом.

– Анна, что ты думаешь о зазеркалье? – спросил я, пристроив губы прямо к ее изящной ушной раковине – разговаривать иначе здесь было невозможно.

– Смотря что ты имеешь в виду: сказочную страну, параллельную реальность, изображение в псевдоскопе... Ну, не салон же красоты? – не сдержав смехок, она обожгла мое ухо горячим дыханием.

– Я примерно полчаса назад посмотрелся в зеркало и увидел в нем не себя, – заторопился я с объяснением, стараясь сосредоточиться на этой мысли и отбрасывая прочь непрошенные плотские желания. – Там был реально другой человек, какой-то старик.

Анна деликатно не стала спрашивать, чего и сколько я сегодня пил, понимая, что данная версия уже мною самым всячески рассмотрена, осмыслена и отмечена. Вопрос моего психического здоровья на повестке не стоял – она знала меня с детства, и мое крайнее здравомыслие не раз выводило ее из себя.

– То есть, ты спрашиваешь, существует ли, по моему мнению, вероятность наличия другого мира, который можно иногда случайно увидеть в зеркале?

– Что-то типа того, – кисло признал я.

Анна помолчала, поджав губы, то ли обдумывая идею, то ли удерживая колкость, готовую сорваться с уст.

– Так, и где у нас волшебное зеркало? – она деловито огляделась, но все многочисленные отражающие поверхности в клубе были оккупированы силуэтами, нервно дергающимися в такт ритму (слово «музыка» я предпочту здесь опустить).

– Там, – признался я, кивнув в нужном направлении.

Она бесцеремонно схватила меня за руку и потащила в сторону закутка, где располагались заветные двери. Перспектива посещения мужского туалета мою подругу ни капли не смущала.

На сей раз помещение отнюдь не было пустынным: мы застали там с десятков разномастных мужских особей различной степени занятости. Некоторые справляли свои естественные нужды, другие трепались, привалившись к умывальнику, один пил какую-то мутную отраву прямо из горлышка бутылки, а двое тайком курили, предусмотрительно натянув на датчик дыма презерватив. Появление в дверях дамы не только не смутило эту изысканную компанию – оно просто осталось незамеченным.

Анна решительно двинулась внутрь, рискованно скользнув тонким каблуком по мокрому кафелю. Я протянул руку, чтобы поддержать ее, но она небрежно отмахнулась.

– Так, мальчики, будьте любезны, освободите помещение! – ее властный и в то же время дурманыще-женственный тон действовал на моих собратьев до тошноты однообразно, вызывая рефлекс повиновения, чему я не переставал удивляться. Вот и сейчас разного возраста, степени опьянения и природного сволочизма представители сильного пола покорно потянулись к выходу, застегивая штаны и гася окурки. Лишь кто-то один, оказавшись снаружи, сунул голову обратно и глумливым голосом поинтересовался, чем мы собираемся здесь заниматься, на что Анна, произведя довольно ловкое па ногой, недвусмысленным образом захлопнула дверь.

– Ну, давай, показывай, – потребовала она, поворачиваясь к умывальникам. Я подошел к ней и встал рядом. Наши отражения сблизились, и зеркальная Анна слегка подмигнула мне, подбадривая. Я пристально уставился в зеркало, но увидел лишь собственный изрядно пожеванный облик, что, по причине контраста со стоящей рядом ослепительной девушкой, смотрелось еще более гадостно.

– Слушай, может, это зеркало – что-то типа стекла в полицейском участке, непрозрачного лишь с одной стороны? И вдруг при определенном освещении можно увидеть людей по другую сторону? – предположила она.

– А смысл? – недоверчиво дернул я плечом.

– Ну, это же ночной клуб. Мало ли какие извращения бывают, – она и сама понимала, что идея так себе, но другой не имелось.

Я напряг свои скудные навыки пространственного мышления, прикидывая, может ли за этой стеной быть еще одно помещение, и кивнул. Хотя отчего-то был уверен, что привидевшийся мне старик не был вуайеристом – такая мысль меня даже слегка обижала.

Клуб мы покинули в молчании. Негритенок с вывески, нарисованный каким-то буратино из художественной школы, зловеще смотрел нам вслед.

– Ты на авто? – спросила Анна, хотя прекрасно знала, что туда, где предполагается употребление крепких напитков, я никогда не беру машину. Дежурства в приемном покое больницы быстро излечивают от вождения в нетрезвом виде.

Желтобокое такси, оперативно добытое Анной через приложение в айфоне, быстро мчалось по пустым ночным петербургским улицам. Глядя, как за окном стремительно мелькают любимые места, я жалел, что нет уже ни времени, ни сил на ночную прогулку с лучшей подружкой. Я обожал этот неласковый город, куда мы с Анной самостоятельно приезжали на электричке лет этак с десяти. Набережные и мосты, лавочки и фонари были нашими союзниками, храня молчание по поводу детских шалостей, скрывая рискованные подростковые эскапады, никому не выдавая наших юношеских тайн...

Возле дома, в котором Анна снимала комнату, она притянула меня к себе очень откровенным, невыразимо женственным движением, оказавшись вдруг так близко, как никогда ранее. «Ну что за ночь неожиданных потрясений?» – пронеслось в голове. Я не смел поднять на нее глаз, боясь не справиться с искушением.

– Анна, ты – мой ангел-хранитель, хотя порой и похожа больше на беса, учитывая твой несносный характер. Разве можно заниматься пошлой человеческой любовью с ангелом? – отшутился я, бережно отстраняя девушку и гадая, что на нее нашло.

Она сердито фыркнула и исчезла в парадном, а я побрел к своему общежитию, находящемуся прямо напротив, – хотя различные профессиональные устремления и развели нас по разным вузам, здесь, как и в родном городе, Анна предпочла остаться моей соседкой.

– Черт возьми, что со мной происходит? И почему Анна так странно себя ведет? – продолжал я бормотать себе под нос, возвращаясь в свое убогое казенное жилище. И, разумеется, даже вообразить не мог, какими шокирующими окажутся ответы на оба эти вопроса.

Филипп, 1912

Филипп мог часами, сидя на пригорке, смотреть, как вращается колесо речной мельницы. Звон серебристых водяных струй сливался с щебетанием птиц, дополнялся шепотом ветра, шуршащего в кронах берез, и резкими аккордами скрипящих мельничных жерновов. У мира была собственная музыка, отличная от той, что сочиняли люди, но не менее восхитительная. Научившись слышать ее, можно проникнуть в потаенную глубину вещей и явлений, поскольку музыка – это голос сердца, так говорила матушка.

Река серебристым извилистым швом с грубоватыми стежками перекинутых косцами мостков скрепляла пологий откос с простирающимся до самого горизонта лугом. Полуденный диск светила отражался в воде, слепя глаза россыпью бриллиантовых бликов, – Катрин это называла «купанием солнца».

Стоило Филиппу только подумать о Катрин, как из рожи слышался звонкий девчачий голос:

– Я знала, что мы найдем тебя у Ведьмы. (Речка звалась чудным именем Ветьма, и дети, разумеется, сразу же переименовали это название на свой лад.)

Нетерпеливая Катрин всегда начинала говорить раньше, чем приблизится на удобное для беседы расстояние. Высокая, статная, темноволосая, она, как норовистая лошадь повозку, сердито тащила за собой маленькую златокудрую Адель. Та суетливо перебирала своими тонкими ножками, стараясь поспевать за старшей подругой, но то и дело спотыкаясь.

Катрин появилась в усадьбе сравнительно недавно. Отец Филиппа, день за днем наблюдая, как без женского глаза в доме все прочнее поселяются грязь и запустение, пригласил наконец из далекой провинции обедневшую родственницу, посулив ей роль хозяйки. Приехавшая вместе со своей строгой маменькой дерзкая своенравная девочка быстро завоевала прочное место не только в неспешном укладе поместья, но и в жизни Филиппа, открыв для одинокого замкнутого мальчика прелести детской дружбы. Адель к их союзу присоединилась лишь пару месяцев назад, когда барин, увлекшись идеей модернизации усадебного парка, нанял на работу выпускника курсов Российского общества садоводства. Младше Катрин и Филиппа всего на год, дочка садовника оказалась до того миниатюрной и хрупкой, что рядом с ними выглядела малышкой.

– Я сейчас такое узнала, – зажмурившись от распирающей ее сенсационной новости, старшая девочка без всякой элегантности плюхнулась на траву рядом с Филиппом, за что, случись такое увидеть ее маменьке, получила бы резкий нагоняй. Катрин были чужды условности, а хорошие манеры она считала лживой ширмой, за которой люди прячут свой истинный характер. Пелагея Ивановна тщетно пыталась привить своей своевольной дочери хоть каплю светской обходительности – в той все явственнее проступали задатки будущей феминистки.

Филипп повернул голову и улыбнулся, поощряя свою подружку к рассказу. Впрочем, упрасивать было не нужно, новости и так из нее сыпались, как зерно из худого мешка на мельнице.

– Я слышала, как Яков Ильич говорил с маман и велел приготовить комнату на господской половине. Твой новый учитель, мосе... как-то там, – настоящий француз, прибудет прямо из Франции! Барин по случаю его приезда приказал привести в совершенство весь дом, представь, он так и сказал: «привести в совершенство», – она хихикнула, забавно сморщив свой тонкий, идеальной формы носик.

Катрин считала Францию чем-то вроде очага безнравственности, и все, с нею связанное, вызывало в девочке жаркое любопытство. Она не раз намекала Филиппу, что его отец, не единожды посещавший данную страну, бывает там «с распутными целями». Настоящий француз в усадьбе в ее представлении был истиной сенсацией.

Мальчик сделал большие глаза, чтобы порадовать Катрин, хотя о приезде учителя знал еще вчера. Давешний разговор с отцом огорчил его, но не слишком. Пока ему позволялось музицировать – жизнь казалась вполне счастливой, что бы в ней ни происходило. Переезд из шумного веселого Петербурга в отдаленное поместье, оставшееся без присмотра после кончины помершего в одночасье от удара старого барина, стал бы для недавно лишившегося матери мальчика серьезным испытанием, кабы не рояль, купленный когда-то для Ольги Павловны у «Братьев Дидерихс». Этот чудный инструмент нашел новое прибежище в просторной гостиной загородного особняка. Возможность ежедневно упражняться в музыке примиряла Филиппа с необходимостью оставаться в деревне. Яков Ильич, после смерти любимой супруги вместе с новорожденным младенцем, тяготел к жизни исключительно провинциальной и все свои честолюбивые устремления перенес на единственного живого сына. Он почитал музыку занятием легкомысленным и мечтал послать отпрыска, обнаружившего, по его мнению, недюжинные способности в науках, в столицу – учиться на доктора. Засим и был нанят преподаватель, сведущий в латыни и естественных предметах. Новостью было только то, что новый

учитель – француз, но Филиппа, в отличие от Катрин, это ничуть не взволновало. Какая, по сути, разница?

– Так что, пока тебе не забили всю голову науками, пойдем запуск землеройной машины смотреть, – немного нелогично заключила девочка.

– А мне было бы интересно учиться у французa, – встряла Адель, обожавшая уроки.

– Еще вопрос, чему он тебя научит, – ехидно засмеялась подруга.

– Я мечтаю сама когда-нибудь стать учителем, – не уловив смысла насмешки, продолжила та.

– Это вряд ли. Когда вырастешь, ты будешь сажать кусты, как твой отец, – фыркнула Катрин.

В ее словах, произнесенных обидным язвительным тоном, была горькая правда: дочь садовника вряд ли могла рассчитывать на иной исход. Пусть даже сейчас Адель преуспевала в грамоте и письме куда больше, чем Катрин, а по количеству прочитанных книг почти сравнялась с Филиппом, денег на то, чтобы дочь могла продолжить учебу в городе, у ее отца не было. Скорее всего, впереди эту нежную субтильную девочку ждал тяжкий физический труд.

Мальчик подумал, что Катрин, пусть она даже права, могла быть снисходительнее к младшей подруге, и ему захотелось утешить бедняжку.

– Мосье «какотам» наверняка привезет новые книги, я дам тебе почитать, – с теплой улыбкой пообещал он.

– Правда? – воспрянув духом, Адель подняла на Филиппа большие лазоревые глаза, словно небесной синью окатила, и что-то в его сердце едва заметно дрогнуло.

Но Катрин не ведала жалости:

– Что ты выдумал, Фил, у нее руки все время в земле! Она пачкает ими даже учебники, учитель всегда ей за это пеняет. Разве можно давать такой замарашке чужие книги?

Адель насупилась и торопливо спрятала кулачки за спину – она сегодня помогала в прополке овощей, и под ногтями остались неопрятные черные полосы. Филипп, не раз таскавший своей маленькой приятельнице увесистые фолианты из домашней библиотеки, едва заметно подмигнул девочке.

– Так мы идем смотреть или нет? – настойчиво спросила Катрин.

Мальчик предпочел бы остаться здесь, но спорить с упрямой подружкой ему не хотелось – он очень дорожил ее вниманием. Адель же, обладавшая счастливо легким характером, уже позабыла обиду и радостно схватила за руку старшую девочку, подпрыгивая от нетерпения: так ей хотелось зрелищ! Не дожидаясь ответа, они обе вприпрыжку поскакали в сторону усадьбы. Ну чисто Звездочка и Руслик, подумал Филипп и едва не засмеялся вслух, так это было забавно. Звездочкой звали вороную кобылу отца, а Русликом – кудлатого белого пони, купленного четыре года назад ему на восьмилетие – то были первые именины Филиппа без матушки.

– Кать, да погоди ты! – крикнул мальчик и, поднявшись с земли, неторопливо пошел следом.

Пелагея Ивановна настаивала, чтобы все называли ее дочку Катрин – на французский манер, мол, так принято в свете. В столице эта мода давно уже прошла, но здесь, в провинциальном захолустье, время словно отставало от городского на несколько десятков лет. Однако сын помещика предпочитал простое русское «Катя» и наедине часто звал ее так, а она не возражала.

Подойдя к конюшням, Филипп увидал, что здесь собралась, пожалуй, вся дворня: обе кухарки – господская и черная, горничные, лакеи, кучер Антип, главный конюх Никодим и его помощники Гришка с Мишкой, пособники садовника, огородницы, скотницы и так далее. Смешавшись с толпой прислуги, дружно бросившей свои прискучившие обязанности и глазев-

шей на невиданное техническое диво – машину для земляных работ, пригнанную специально из самого Петербурга, дети подобрались поближе. Катрин исподтишка высматривала свою сердитую маменьку, но той не было видно. Вообще-то, Пелагея Ивановна считала прожекты своего богатого родственника бессмысленными причудами и, не в силах им противостоять, предпочитала игнорировать. Однако вполне могла заявиться сюда, дабы разогнать слуг по местам – хозяйкой она была строгой.

На сей раз барин затеял построить очистные сооружения, чтобы грязная вода и нечистоты не сливались из горшков, тазов и ведер в овраг, как это было прежде, а отстаивались в глубокой яме, фильтровались песком и затем шли на нужды полива и удобрения огорода. Эту идею Яков Ильич вычитал в английском журнале и тотчас же решил применить на практике. Теперь он отважно приближался к сложному агрегату, уже начинавшему скрести по плотной дернине лужайки огромным ковшом. Рядом шагал Павел, старший садовник, что-то крича ему на ухо. Когда шум двигателя на минуту стих, до Филиппа долетел конец досадливой тирады:

– ...для двух мужиков с лопатами на пару дней работы! Зачем такую махину из города пригнал? Весь газон теперь порушишь. Эх, чудишь ты, барин!

Павел сердито махнул рукой и отошел к стоящим поодаль работникам, но восвояси не убрался, а продолжал смотреть с неодобрением на равнодушно уродующую нежный ковер травы землеройную машину.

Переминаясь с ноги на ногу, зрители лениво переговаривались, то и дело упоминая непривычное для слуха слово, которое Филипп никак не мог разобрать, что-то вроде «хаватор».

– Ей-богу, скоро мы все в говне потонем, – прошипел кто-то рядом с мальчиком, намекая на невезучесть хозяина в сфере внедрения технических достижений.

Яков Ильич считал себя человеком передовым и постоянно ставил с ног на голову поместье, привнося разнообразные новшества, на которые было щедро его прогрессивное время: устраивал водопровод, проводил электричество, налаживал телефонию, приобретал для сельскохозяйственных работ новейшую технику. Его нимало не расстраивало, что все эти чудеса прогресса то и дело ломались, а то и вовсе не работали. Нрава барин был самого благодушного и на все вокруг: будь то капризные механизмы, своенравная домашняя скотина, нерадивая прислуга или вечно витающий в облаках отпрыск – смотрел с неизменной доброй снисходительностью.

А машина меж тем, разогревшись, опускала ковш все глубже и вываливала на край образующейся на глазах канавы горы темной земли. Филипп поглазел еще немного, но чудовищный шум, в котором полностью утонули все обычные звуки усадьбы, раздражал его. Он легонько дернул за платье Катрин, безотрывно пялящуюся на алчно вгрызающийся в землю агрегат:

– Кать, пойдем отсюда!

Девочка сперва досадливо отмахнулась, но, заметив, что Филипп начал выбираться из толпы, все-таки пошла следом. Адель никто из них даже не попытался увести – та буквально превратилась в соляной столб, жадно впитывая глазами все детали невиданного механизма.

– Все-таки не пойму я, зачем батюшка такую здоровущую яму велел копать, – задумчиво пробормотал мальчик, когда они с Катрин оказались по другую сторону дома, куда едва долетали звуки работы машины. – Я видел схему в журнале, там вовсе этого не требуется.

– Может, твой отец решил, что так будет надежнее? – равнодушно предположила Катрин.

– Кать, он прежде все точно по чертежам указывал делать, и то у него не всегда выходило ладно.

– Ну вот, наверное, оттого и захотел что-то изменить?

– Не думаю. Мне кажется, эта яма понадобилась ему для чего-то другого, – помотал головой Филипп.

Катрин насторожилась, почуяв загадку.

– Для чего же?

Мальчик молчал. Он пока не решался признаться своей подруге, что отец для него с некоторых пор стал фигурой неясной, даже таинственной. За маской батюшкиного наивного добродушия взрослеющий сын вдруг начал обнаруживать иные, непонятные черты. Ведя жизнь скромную и всячески избегая принятой в его кругу роскоши – чаще напускной, чем истинной, – Яков Ильич оставался одним из богатейших людей в округе, еженедельно строчил длинные письма своим приказчикам и банкирам в столице с подробными указаниями относительно капиталов и имущества. Живя в усадьбе практически затворником и не принимая у себя даже ближайших соседей, он регулярно наезжал в Петербург и даже за границу по каким-то загадочным делам. Он прослыл человеком чудаковатым и непрактичным, однако успешно сам управлял немалым своим имением, и даже в нынешние непростые времена его крестьяне жили куда лучше, чем соседские. Барин содержал больницу и приходское училище, отстроил новую белокаменную церковь, постоянно пекся о своих людях и их семьях, презирая многие сословные условности. И что-то подсказывало Филиппу, что это лишь вершки, а полностью скрытые от глаза корешки куда затейливее.

Марфа, 1992

«Когда уйдем со школьного двора, под звуки нестареющего вальса...», – хрипловатой сентиментальностью лился из динамиков голос Харатьяна. Марфа с грустной улыбкой смотрела на своих повзрослевших учеников, неловко топчущихся вокруг импровизированной танцплощадки в школьном актовом зале, только что образованной путем сдвигания разоренных праздничных столов к стенам. Едва пожилая учительница встала со стула, к ней тотчас важно подошел Петя и галантным кивком головы пригласил на танец. В отличие от большинства этих ребят, подраставших под хеви-метал, вальс танцевать она умела виртуозно, и, невзирая на преклонные лета, закружилась по залу с девичьей легкостью. Ах, как давно она не танцевала! Марфа даже слегка рассмеялась от удовольствия молодым задорным смехом. Петр, как всегда, оставался серьезен.

– Марфа Васильевна, вы сегодня просто обворожительны, – не соответствующим комплименту менторским тоном произнес он.

Учительница знала, что этот умный и собранный мальчик завтра уезжает в Ленинград, которому недавно было возвращено исконное название Санкт-Петербург, – его ждал физический факультет университета. Возможно, именно целеустремленный юноша, любящий задаваться сложными вопросами, когда-нибудь ответит на главное «почему» и откроет первопричину невероятно хитрого устройства мироздания. Подумав об этом, Марфа расстроено вздохнула – даже ей жизнь не казалась простой, а каково этим птенцам, вылетающим из гнезда в нынешнюю поистине непредсказуемую действительность? Их самая нежная юношеская пора пришлась на смену эпох, светлое коммунистическое будущее развеялось вместе с тоскливой надежностью социализма, страна содрогалась от экономической шоковой терапии, выживет ли «больной» – одному Богу известно. «Но жизнь – она особенный предмет, задаст вопросы новые в ответ...», – куражился школьный вальс над старой учительницей в такт ее мыслям.

Краем глаза Марфа заметила, что отличник Семен вьется возле красавицы Наташи, видимо, измышляя, как бы ловчее пригласить ее на танец и опасаясь отказа. Напрасно он боится! Наташа – девочка отзывчивая, добрая, она планирует поступить в районное медучилище, и эта требующая большой самоотдачи профессия ей очень подходит. А Сема, разумеется, продолжит династию и станет педагогом – как его отец, дед и прадед. Марфа не была уверена, что поддержание семейной традиции – хороший выбор для мальчика. Этот яркий и

амбициозный юноша ее тревожил. Было в его характере что-то неуловимо пугающее, какой-то надлом, скрытая истерия. Разве можно к детям с собственной разверзнутой пропастью в душе?

А вот и Симочка – нежная ранимая девушка, смотрящая на мир огромными влюбленными глазами. Учительница проследила ее взгляд и с досадой констатировала, что направлен он отнюдь не в абстрактное пространство, а конкретно на Семена. Романтичной натуры не место рядом с чуждым сантиментов карьеристом и прагматиком. Но разве наше сердце когда-нибудь выбирает того, кто нам действительно подходит, особенно в юности? Невзначай вспомнив полученное не так давно известие о смерти Вячеслава Кандышевского, с которым были связаны и самые прекрасные, и самые болезненные переживания ее собственной молодой поры, Марфа еще больше помрачнела...

Примеченные невидимые связи невольно беспокоили учительницу. Понаблюдав еще немного, она убедилась, что имеет место даже не треугольник, а параллелограмм – за Симочкой, стараясь слиться с тяжелой бархатной шторой, угрюмо следил глазами Руслан. Он собирался стать священником, но монашеского обета, судя по жарким взглядам на едва округлившиеся девичьи прелести, не планировал. Что ж, священнослужение теперь опять престижная стезя, по всей России начали восстанавливать храмы и духовные семинарии. Марфа себя по-прежнему считала атеисткой, но вид пустой и заброшенной вежинской церкви ее удручал, пробуждая одно из самых неприятных воспоминаний детства. Как же давно это было!

Марфа родилась вскоре после революции и, за исключением нескольких лет учебы в Ленинграде, всю жизнь провела в сельской глуши. Она смотрела, как ее выросшие ученики покидают родные места – большинство уезжали в райцентр, некоторые – еще дальше. Ее собственные сыновья оказались так далеко от отчего дома, что лишь редкие письма напоминали матери об их существовании. И – удивительное дело – она радовалась такому положению вещей. Незадолго до своей смерти Агата посоветовала Марфе вместе с семьей покинуть Вежино, назвав его проклятым местом. Она ушла в иной мир, так и не поделившись с дочерью тайнами прошлого, но Марфа, любившая ясность во всем, об этом отчего-то совсем не жалела...

Танец закончился, и учительница не спеша двинулась по залу. Из распахнутых настежь окон одуряюще пахло свежестью, летним вечером и сиренью, заглушая неизбежные при таком скоплении разгоряченных танцами юных тел запахи пота и возбуждения от еще не осознанных плотских желаний. Чуткий учительский слух, привыкший улавливать малейшие шевеления в классе, поймал жаркий шепот Семена, уговаривающего Наташу уйти с ним вместе. Наверное, хлебнул в туалете самогона, иначе с чего б ему вдруг так осмелеть, нахмурилась Марфа. Согласится девушка или нет? Учительница замедлила шаг, но сквозь грохот музыки больше ничего не сумела расслышать. Во времена ее молодости столь скандальная идея – уйти вдвоем с выпускного – никому бы и в голову не пришла. Хватит ли у Наташи благоразумия?

Марфа вышла в коридор и направилась в сторону туалетов, стараясь не очень стучать каблуками. Ее стремительную учительскую походку наверняка знали все школьники, так что пришлось слегка замедлить шаг. Итак, что тут у нас? Она без малейшего колебания распахнула дверь и узрела вполне ожидаемую картину – кучка взъерошенных юных созданий по очереди припадали к большой стеклянной емкости с мутной жидкостью, которой плескалось уже на самом доньшке. Нарушители устали на нее так, словно их посетил призрак отца Гамлета. – Еще есть? – деловито спросила учительница.

Ругать ребят не было смысла, да и повышать голос она опасалась – если услышит директор Юрий Борисович, тут же свернет бал и устроит дознание, испортив выпускникам последний школьный праздник. С ужасом и надеждой глядя на нее, компания дружно мотала голо-

вами, отрицая наличие еще одной бутылки. Какие они все-таки дети, с печалью подумала Марфа.

Возвращаясь в зал, она заметила, как темным коридором к выходу из школы скользнули две тени. По квадратным очертаниям силуэта она без труда узнала Семена, влекущего за руку тонкую девичью фигурку. Жаль, она надеялась, что Наташа более разумная девочка. Луч света из приоткрытой двери в школьную раздевалку упал на спутницу предприимчивого юноши, и Марфа осознала, что это никакая не самоуверенная красавица Наташа, а хрупкая нежная Симочка.

– Помилуй, Господи, – ахнула не верящая в Бога учительница.

Иван, 2016

Ожидая прихода Анны, я листал свой старый фотоальбом – это всегда помогало придать ее образу нужное звучание. На сей раз союзником я выбрал Дебюсси – его «Детский уголок», негромко журчащий из музыкального центра, как нельзя лучше поддерживал тему. Мне эта сюита всегда казалась скорее тоской по беззаботной молодой поре, чем музыкой для непослушных детских пальцев.

На цветных фотографиях, старательно наклеенных на картонные страницы моей мамой, не признававшей не только современных цифровых устройств, но и дешевых альбомов с прозрачными пластиковыми кармашками, мы с Анной почти всегда были вместе. Вот сплелись в клубок два голых краснощеких младенца, еще не осознающих мир вокруг, но уже пытающихся при помощи непослушных ручек и слюнявых беззубых ртов ощутить друг друга. А здесь мы с Анной во дворе, в песочнице – я леплю что-то невразумительное маленькими худыми ручками, а она с хитрой миной на кукольном личике терпеливо выжидает, выбирая момент, чтобы одним махом разрушить мои хрупкие творения. Школьная парта, Анна с одним белым бантом (второй она же успела утратить) и я, аккуратно причесанный, с чинно сложенными перед собой руками. На фоне кукольного театра, в зоопарке возле вольера с обезьянами, рядом с новогодней елкой, в шезлонге у моря, на дискотеке... И вот моя любимая фотография: школьный выпускной, Анна в красном платье, неуместная, как тропическая бабочка среди капустниц. Я стою чуть позади и сбоку, одной рукой обнимая ее за талию. Мы смотрим друг на друга и оба самозабвенно хохочем. Не помню, чтобы для этого счастливого смеха был какой-то особый повод – просто юность, выплеснувшаяся через край. Через минуту мы расцепим целомудренные полуобъятия, а потом Анна уйдет с выпускного в душную летнюю ночь с напыщенным франтом по имени Никита, по которому сохли все девчонки в классе. А я его терпеть не мог, и не напрасно. Впрочем, в конечном итоге парня даже жаль – моя тропическая бабочка не только сказочно красива, но и весьма ядовита.

– Как поживает твоя эйсотрофобия? – Анна всегда возникала внезапно, даже когда ее появление было ожидаемо.

– Чего? – От испуга я едва не подпрыгнул. Мозг, выдернутый из уютных объятий прошлого, тщетно пытался переварить незнакомое труднопроизносимое слово.

– Так называется боязнь зеркал, я в Сети посмотрела, – в голосе моей подруги звучало удовлетворение от произведенного эффекта. Надо признаться, после того случая в ночном клубе в зеркало я действительно заглядывал с некоторой опаской, так что она, как обычно, попала в точку.

Анна бесцеремонно нажала на клавишу музыкального центра, заставив Дебюсси умолкнуть, затем обвела цепким взглядом мизансцену и – я уверен – точно вычислила, чем я только что занимался.

– Тебе так уютнее? – произнесла она с нажимом, разумеется, имея в виду отнюдь не внешнюю обстановку.

Комнату в студенческом общежитии, которую я делил со своим приятелем Виталием Сосновским, за крайне жизнелюбивый нрав прозванным Дольчевитой, сложно было назвать уютной, из позитивных прилагательных ей бы подошло разве что определение «чистая». Единственное, что здесь было хорошего – высота потолков. Выросший в «хрущевке», я благоговел перед обилием пространства над головой. Из унылой картины казенного интерьера выбивался только дорогой музыкальный центр, все остальное – по-общажьи убого, потерто и тускло. Из личных вещей – лишь одежда в шкафу, несколько книг и нотных тетрадей на полке, довольно пожилой ноутбук да фотоальбом, что у меня на коленях.

Анна склонилась надо мной и провела пальцем по фотографии, которую я только что разглядывал.

– Знаешь, я ведь тогда назло тебе ушла с Никитой, – неожиданно призналась она игривым тоном. – Надеюсь, ты будешь ревновать.

Совсем не дружеским жестом Анна коснулась кончиками пальцев моего лица. Господи, да что с ней происходит? С неделю назад она бросила очередного парня, не помню его имени. Ей так срочно понадобилась мужская ласка, что она готова флиртовать со мной? Я резко перелистнул несколько страниц назад, словно желая посмотреть другую фотографию, но выбор оказался неудачным. На выцветшей фотокарточке я, пятнадцати лет от роду, некрасиво по-детски рыдал, сидя за фортепиано, а Анна меня утешала. Кто и зачем умудрился нас тогда сфотографировать? Не самые лучшие воспоминания.

В тот день я подслушал разговор мамы со Славной Олей, специально приехавшей к нам из Петербурга для важной беседы.

– Руки у вашего сына прекрасные: гибкие, длинные, с послушными пальцами прирожденного пианиста, – говорила та. – Он великолепно справляется даже со сложными произведениями. И душа у мальчика чуткая, тонкая, идеальная для восприятия музыки... – Я замер, предположив, что сейчас прозвучит неизбежное «но». – ...Но между душой и руками почему-то нет контакта. Он способен чувствовать, однако не в силах передать свои ощущения. Ваня может стать хорошим, техничным исполнителем, однако никогда не достигнет высот мастерства, понимаете? Я бы с радостью продолжила с ним заниматься и помогла ему максимально раскрыть способности, но, зная вашего сына, скажу, что его это не удовлетворит. Для мальчика будет лучше, если он как можно раньше это осознает и выберет для себя иное поприще...

Моя бедная добрая мама смотрела на учительницу музыки полными слез глазами, не особенно понимая, о чем идет речь, но интуитивно сознавая, что для ее сложного, непонятного отпрыска это что-то вроде смертного приговора. Больше всего ее, вероятно, мучило не то, что сын оказался недостаточно талантлив, а мысль: как сказать ему об этом? Она не ведала, что мое присутствие за дверью уже избавило ее от тягостной обязанности.

Я всецело доверял мнению Ольги Вячеславовны. Она была учителем от Бога, занимаясь музыкой только с одаренными детьми, причем среди них предпочитая тех, кого природа, наградив музыкальным талантом, обделила в чем-то другом. Рассказывали, что один из ее учеников в пять лет почти не умел говорить и, обращаясь к ней, произносил что-то вроде «Славна Оя». Не знаю, сколько правды в этой истории, но за глаза мою учительницу все звали Славной Олей, что изумительно к ней подходило. И если уж она не сумела соединить мою душу с пальцами, то значит незримые нити, способные сыграть роль проводника, просто безнадежно отсутствуют...

Удар был страшен: в своих грезах я видел себя только великим музыкантом – и никак иначе. Я не просто был увлечен музыкой, я ею дышал. Без нее я точно так же мог погибнуть, как и в отсутствие кислорода. И я почти умер тогда – но Анна меня остановила. Только благодаря моей верной подруге, день за днем навязчиво и дерзко вытаскивающей меня из пучины отчаянья, я в конце концов отказался от детской мечты и принял взрослое решение – найти своим

талантливым рукам иное, не менее достойное применение. Теперь, глядя на работу умелых хирургов и мысленно повторяя малейшее их движение, я испытывал почти такое же острое счастье, как и от прикосновения к фортепианным клавишам...

Вспомнив, чем я обязан Анне, я подумал, что она вправе просить у меня все, что захочет. Все, кроме *этого*.

Она, как всегда, верно угадала мое настроение, отстранилась и плюхнулась в выдавшее виды облезлое кресло напротив.

– Давай одевайся, а то мы до вечера не доберемся.

Я поднялся и начал торопливо натягивать ветровку, попутно шаря рукой по кровати в поисках мобильного.

– И, бога ради, оставь свою ностальгию по детству здесь, – добавила Анна, позволив прорваться своему раздражению.

В этот теплый майский выходной мы запланировали выезд на природу. Я предлагал традиционные Царское Село или Петергоф, но моя подруга, как обычно, жаждала приключений.

– Хочу в какое-нибудь новое, неожиданное место! – заявила она и тонким пальчиком ткнула в экран своего новенького айфона, угодив в точку на карте, где поблизости было отмечено лишь село под названием Вежино.

– Не уверен, что мы сможем туда проехать, – ворчал я, заводя мотор своего «Опеля» далекого 1998 года выпуска и заранее волнуясь за подвеску. Я любил эту старую автомобильную клячу, ласково называя ее «Оп-ля», что вполне отражало ходовые возможности моей машинки на трассе, но вот бездорожья она просто не выносила.

Однако брызжащие отовсюду озорные весенние лучи за лобовым стеклом постепенно настроили и меня на оптимистичный лад, я уже с искренней радостью улыбался, поглядывая на Анну, сильным глубоким контральто подпевающую какой-то едва способной чирикать современной певичке, и рука даже мысленно не тянулась выключить радио...

Могли бы произойти все последующие события, не случись этой поездки? Толкнула ли неведомая сила палец моей подруги, когда она выбирала место? Найду ли я когда-нибудь ответ на эти вопросы?

До райцентра мы доехали быстро и без происшествий, но дальше дорога безнадежно испортилась, и лишь стоявшая всю предыдущую неделю теплая сухая погода, слегка укротившая местные лужи, позволила нам со скоростью больной черепахи продвигаться вперед. До Вежино оставалось еще около полутора десятков километров. Догадываясь о моем пока не высказанном желании повернуть обратно, Анна открыла окно, и в салон автомобиля ворвалась загородная весна – полноценная, истинная, так непохожая на свою городскую ипостась. В городе уже пестрели яркие симметричные шеренги высаженных тюльпанов, а здесь в оврагах у обочин лежали неровные сероватые куски плотного льда, точно обглоданные жадным зверем кости, а рядом жизнерадостной россыпью желтели цветки мать-и-мачехи. Острый запах сырой земли смешивался с будоражащим ароматом первых клейких листочков и свежим духом пробуждающихся к жизни трав. Я позабыл о страданиях своей неприспособленной к бездорожью машины и жадно вдыхал в себя весну под первую часть оратории Гайдна, звучащую в голове.

Когда вдали на пригорке показались приземистые избы, я даже слегка огорчился, что чудесная увертюра нашего путешествия заканчивается. Анна же, напротив, оживилась, с любопытством разглядывая траченное временем кружево наличников, неровную вязь заборов, чернеющие квадраты пустых огородов, словно пытаясь проникнуть в душу этого забытого богом и дорожными строителями уголка. Она ежеминутно шелкала айфоном, бомбардируя «Инстаграм» потоком ярких, метких фотографий – кадров бытия российской глубинки. Это была ее страсть – детали жизни, незаметные поверхностному взгляду подробности, приоткрывающие

завесу над истинной сутью вещей. Анну обожали и редакторы, и операторы за умение находить нетривиальные акценты, благодаря которым самый рядовой телерепортаж цеплял внимание зрителя, подобно приманке опытного зверолова. Даже недоброжелатели никогда не намекали, что она, будучи студенткой, получила престижную работу помощника редактора телеканала только по причине своей выдающейся внешности.

Особый восторг у Анны вызвал вид старой церквушки, некогда, вероятно, весьма живописной, но теперь безнадежно заброшенной. Стоя на пригорке с обрушенной колокольней, накренившимся куполом и заколоченными окнами, словно обезумевшая и ослепшая старуха, она доживала свой век покинутой и никому не нужной.

Запечатлев это грустное зрелище, Анна села в машину, и мы медленно покатали по расхристанной весенней сельской улице, бережно объезжая лужи, а из окошек за нами следили внимательные глаза, на шум двигателя удивленно разгибались спины местных жителей с лопатами и граблями, бабки на завалинках удивленно замолкали, и даже куры переставали выискивать червяков, выползающих к поверхности нагретой солнцем земли, и дружно поднимали головы. Видимо, проезжие случались здесь нечасто. Однако никто нас не окликнул, не поинтересовался, куда и зачем.

Когда-то, видимо, это было большое село, но теперь более половины домов выглядели покинутыми: черные провалы крыш, покосившиеся стены, завалившиеся щербатые заборы, за которыми виднелись неопрятные заросли кустов да старые корявые яблони с замшелыми стволами – тоска по минувшим временам, которую не могла развеять даже витающая повсюду жизнерадостная дымка майской зелени. Я подумал, что в то время как коттеджи и дачные поселки все более плотным кольцом окружают города, исконная русская деревня неслышно испускает дух в таких вот отдаленных уголках, и не далек тот день, когда она совсем исчезнет...

Улица закончилась, но дорога уходила дальше, скатываясь с холма к парящей в облаке распускающейся листвы березовой роще.

– Посмотри, что там впереди, – попросил я, и Анна уткнулась в айфон.

Через минуту она огорченно сообщила:

– На карте ничего нет.

– Тогда, может, устроимся возле тех березок? – предложил я, поскольку утром променял завтрак на Дебюсси и детский альбом с фотографиями, а теперь ощущал тянущую пустоту в желудке.

Анна расстелила покрывало на теплой, покрытой ковром из коричневых прошлогодних листьев земле, сквозь который пробивался нежно-зеленый ворс свежей травы, достала стильную корзинку для пикника, что я подарил ей на шестнадцатилетие, зная, что моя подруга ценит подобные буржуазные штучки. Ныне корзинка обрела вид бывалой, чуть ли не винтажной вещицы, поскольку сопровождала нас во всех довольно многочисленных поездках.

– Здесь что-то не так, – слегка сведя брови, Анна смотрела на экран айфона. – Написано: «усадьба», она должна быть вон там, за рощей, я уже было обрадовалась, ты же знаешь, обожаю старину! Но на изображении со спутника не видно никаких построек.

Я в этот момент жевал бутерброд, и лишь что-то неопределенно промычал. Наличие или отсутствие усадьбы меня мало волновало, хотелось просто подремать, подставив майскому солнышку усталое лицо. Позади остались несколько особенно тяжелых больничных смен, впереди маячила сдача экзаменов. Но, зная характер Анны, я понимал, что покой мне не светит.

Я обреченно взял у нее из рук айфон и посмотрел на карту. Действительно, непривычно куцее без указания названия слово «усадьба», однако никаких признаков ее фактического наличия. И – что меня встревожило куда больше – заметной с земной орбиты дороги туда тоже не имелось. Мне представились два одинаково печальных варианта: или мы угробим мою машину, или Анна потащит меня пешком.

– Давай спросим в селе? – предложил я самый удобный и логичный выход.

Анна, к моему удивлению, согласилась, хотя удобство и логика не были ее стихиями. Побросав вещи в багажник, мы покатали обратно к Вежино. В первом же огороде высмотрев мужичка, без особого энтузиазма ковыряющего тяжелую влажную землю, Анна обратилась к нему с волновавшим ее вопросом. Тот окинул мою спутницу мутноватым взглядом, недвусмысленно облизнулся и озадаченно почесал подбородок:

– Усадьба? Дык нет уже сто лет никакой усадьбы.

– Но хоть что-то от нее осталось? Развалины, дорожки, конюшни? – настаивала она, уже воображая, как скачет по замшелым камням, ища наиболее удачный ракурс. Подобные кадры были ее коньком: она умела запечатлевать любые руины так, что захватывало дух.

– Не-а, – покрутил головой мужик. – Ничего там нет, пустошь одна, черное место.

– Черное? – уцепилась Анна. – Почему черное?

– Да кто ж его знает, – дернул плечом ее собеседник. – Ну типа пожар там был лет сто назад. А дома-то деревянные стояли, так что все и сгорели.

Анна разочарованно притихла и уже собралась уходить, но мужичку, видать, было интереснее паялыться на мою подругу, чем орудовать лопатой, поэтому он нерешительно добавил:

– Загадка, однако, с этим черным местом.

– Загадка? – подбодрила его Анна, выразительно подняв красиво изогнутые брови.

– Дык ведь не бывает там никто, даже мимо стараются не ходить. А дед мой сказывал, что место то черным кликали еще до пожара – жил там какой-то то ли колдун, то ли оборотень.

Он растерянно умолк, не зная, чего бы еще рассказать, и энергично поскреб голову, словно пытаясь стимулировать непривычный мыслительный процесс.

– Что думаешь? – бросила в мою сторону Анна, идя к машине.

– Местный фольклор, – скептически бросил я, хотя понимал: от визита на место бывшей усадьбы меня ничто уже не спасет.

Филипп, 1912

Филипп с любопытством поглядывал в окно, ожидая приезда нового учителя, еще до своего появления получившего прозвище Мосье Кактотам. В сонме разнообразных звуков, наполняющих усадьбу, – беззлой перебранке дворовых слуг, шорохе ветра в кронах старых лип на подъездной аллее, криканье уток возле пруда – мальчик различил далекое цоканье копыт и приник к оконной раме, стараясь сквозь жадно тянувшиеся до самой крыши дома ветви тополя получше разглядеть пространство перед парадным крыльцом.

Кучер распахнул дверь новой поблескивающей лаком коляски, запряженной шустрой каурой лошадкой, и на разгоряченные солнцем плиты ступила нога в щегольском башмаке с блестящей пряжкой. Следом возник лысый невысокий человечек, сверху показавшийся мальчику довольно нелепым, незначительным и совсем не похожим на образ похотливого соблазнителя, нарисованный его подружкой, – Катрин будет весьма разочарована.

Гонимый любопытством, мальчик устремился вниз. Батюшка встречал долгожданного гостя один – Пелагея Ивановна, не считая приезд учителя за событие, с утра демонстративно отбыла в уездный город «прикупить разных хозяйственных мелочей», прихватив с собой и дочь.

Барин довольным басом рассыпался в любезностях и заметил сына, лишь когда тот спустился с лестницы и испуганным сусликом замер, разглядывая француза.

– Приветствую вас, *mon cher ami*, – церемонно, как ко взрослому, обратился к Филиппу тот. Голос его оказался под стать облику – неблагозвучным, словно надтреснутым, напоминающим сварливые переключки цапель на болоте, и лишь мягкая, вкрадчивая манера речи да журчащий акцент отчасти сглаживали этот недостаток.

– Я слышал, вы любите музыку. Как вы смотрите на то, если я сейчас отдохну с дороги, а потом мы проведем с вами вечер за музицированием? – с хитринкой взглянул на мальчика новый учитель.

Заманчивее предложения Филипп не мог представить! Никто в доме не разделял его страсти. Батюшка относился к упражнениям сына за роялем благосклонно, но без особого интереса, Пелагея Ивановна была начисто лишена музыкального слуха, а Катрин, хоть и обладала весьма недурственным голосом, считала пение занятием довольно скучным. Возможность найти единомышленника вознесла мальчика на вершину блаженства. Вся настороженность по отношению к новому учителю тут же исчезла.

– Да! Я согласен! – радостно воскликнул он.

– Филипп, где твои манеры? – добродушно пожурил его отец, вероятно, вполне довольный, что вечером у него будет время предаться любимому занятию – изучению иностранных технических журналов. Тем более что с последним новшеством – очистным сооружением – что-то не заладилось. Землеройная машина уже несколько дней стояла возле разъявленной земли безмолвно и недвижимо, а Яков Ильич все что-то вымерял да прикидывал, не решаясь продолжить работы.

– Ну как француз? – воскликнула Катрин, к неудовольствию седого кучера Антипа на ходу выскакивая из старого скрипучего экипажа, возившего их с маменькой за покупками. Филипп и Адель ждали ее возвращения на подъездной дорожке, спеша поделиться новостями, каждый – по собственной причине.

– Он пожилой и лысый! – с легким оттенком мстительного удовлетворения заявила Адель.

– У нас сегодня будет настоящий музыкальный вечер! – перебивая подружку, завопил Филипп.

Встретившись, девочки словно по команде взялись за руки – такая у них была привычка, казавшаяся мальчику очаровательной. Странная, нежная и яростная дружба-вражда этих двоих неизменно забавляла и умиляла его.

– Он правда так нехорош собою? – с подозрением спросила Катрин, обращаясь к Филиппу.

Тот пожал плечами:

– Кать, мужская красота – это не по моей части. Но учитель действительно примерно одних лет с батюшкой, невысокого роста, почти совсем лишен волос и каркает, точно ворон.

Катрин расстроено примолкла, дав мальчику возможность выплеснуть свой восторг по поводу предстоящего вечернего события. Солнце меж тем стало клониться к закату, напоминая детям о том, что упомянутый вечер уже вот-вот наступит. Расцепив руки, девочки дружно побежали вперед – Адель к флигелю, в котором поселили садовника, единственной кирпичной постройке в усадьбе, а Катрин – к барскому особняку, где жила вместе с маменькой.

Филипп обожал этот дом – бревенчатый, с мезонином, пятиаршинными окнами и просторным залом в два света. Каменный подклет возвышал строение над уютным двориком с фигурными клумбами роз и лилий, которые так любила его рано умершая матушка. Внутреннее убранство комнат иные сочли бы провинциальным и даже несуразным, но в силу замкнутости характера барина, после смерти супруги добровольно заточившего себя в загородном имении, гости в доме случались нечасто. Посему о несоответствии здешнего интерьера модным тенденциям мальчик даже не догадывался.

Пелагея Ивановна порой прозрачно намекала помещику, что пора бы обновить обстановку, но тот лишь отмахивался: к чему это? Надо сказать, приходясь хозяину весьма дальней родственницей, она прибыла сюда, явно питая матримониальные надежды относительно богатого вдовца, и привезла целую телегу разнообразных довольно безвкусных женских вещей

вроде резного трюмо, расшитых банкеток и бархатных занавесей. Когда Пелагея Ивановна осознала, что Яков Ильич, безмерно любивший почившую супругу, не желает потакать ее планам, то удовольствовалась фактической ролью хозяйки. И если верно то, что по виду и убранству дома можно определить особенности людей, в нем живущих, то безалаберность барина, наивный «аристократизм» приехавшей родственницы, дерзкая презрительность к общественным устоям ее дочери и самоуглубленность помещичьего сына становились здесь очевидными.

Вечер вышел еще более вдохновляющим, чем представлял себе Филипп. Мосье Както-там, на самом деле звавшийся мосье Деви, не только оказался большим поклонником музыкального искусства, но привез с собой коллекцию нот, что для мальчика было сродни бесценному сокровищу. Все не особенно многочисленные пьесы для фортепиано, оставшиеся от матери, были им заиграны до дыр. Имелся, конечно, в усадьбе и новомодный портативный граммофон фирмы «Патэ» с пластинками, купленный Яковым Ильичом в Петербурге и вызвавший поначалу целую бурю ликования. И лишь потом, когда улеглась бравурность первого впечатления, мальчик осознал, что это все-таки не то, что живая музыка, извлекаемая непосредственно из рояля – чудесного портала в иной мир, откуда приходят волшебные звуки.

К импровизированному музыкальному вечеру – первому в усадьбе со времен кончины матушки Филиппа – мальчик готовился, словно к церковному причастию. Он заранее перебрал все ноты и тщательно размял пальцы, не желая ударить в грязь лицом перед французом. К нему присоединилась Катрин, нежным сопрано попытавшаяся исполнить несколько незнакомых романсов прямо с листа под робкий аккомпанемент теряющего голову от восторга мальчика. Никогда прежде он не был преисполнен такого чувства благодарности и ощущения единения со своей подружкой...

В последовавшую за дивным вечером ночь Филипп никак не мог уснуть. В голове звучали новые прелестные мелодии, пальцы непроизвольно вздрагивали, ища клавиши рояля, а перед глазами кружились облаком ночной мошкары ноты. Проворочавшись на вдруг показавшейся ему жесткой и комковатой перине несколько часов, он решил встать и спуститься в гостиную.

Если погружаешься в сладкий сон в своей кровати, кажется, будто в доме царит тишина, но когда начинаешь сходить вниз по довольно крутой лестнице из мезонина, где расположена детская, чуткое ухо улавливает множество доносящихся со всех сторон звуков: мерный скрежет работы часового механизма, сухое потрескивание деревянных панелей, самопроизвольный тихий скрип ступеней и половиц, шелест занавесок, колыаемых сквозняком из приоткрытого окна, похрапывание старой кошки Мурки, спящей в корзинке в передней. По мере обострения слуха к этому добавляются еле заметный шорох, исходящий от стен, вероятно, создаваемый какими-то насекомыми, и легкое постукивание, природу которого Филипп определить не смог. Но главное – эфемерное, скорее даже воображаемое позвякивание струн под крышкой рояля, словно магнитом притягивающее его к себе...

Мальчик почти дошел до гостиной, как вдруг различил новый, неуместный в ночи звук – отголоски разговора, идущие откуда-то из глубины дома. Насторожившись и прислушавшись, он понял, что голоса раздаются в правом крыле, куда Яков Ильич велел поселить мосье Деви, обозначив тем самым его статус скорее гостя, чем нанятого работника: людская половина располагалась в левой части особняка.

Не совладав с любопытством, Филипп крадучись двинулся туда, откуда все отчетливее слышались звуки речи, с удивлением улавливая в них батюшкины мягкие интонации и скрипучий гортанный говор француза. Через минуту он уже различал отдельные слова, а затем и целые фразы, произносимые приглушенно и оттого звучащие еще более загадочно. Мальчик не сразу осознал, что беседа касается его персоны.

– Я не понимаю, чем он так интересен, что вы приехали сюда издалека и готовы надолго задержаться? – спрашивал Яков Ильич.

– Как вам объяснить? Кто-нибудь из братьев упоминал при вас о компасе?

– Нет, но я знаю, что масонский компас – очень значимый сакральный предмет, об этом упомянуто в трудах Якоба Бёме: «Концы его стрелки объявляют о завершении бытия мира сего и о начале века Духа Святого», – свободно процитировал батюшка, за которым Филипп подобной начитанности и памяти прежде не замечал.

– Да, вот только это – не предмет, – еле слышно прокаркал мосье Деви.

– Вы хотите сказать, масонский компас – человек? – в голосе помещика чувствовалось невероятное удивление. – Как такое возможно? И на что же он указывает?

– Видите ли, досточтимый брат, примерно раз в столетие среди людей рождается один, наделенный особым, очень редкостным даром, с точки зрения братства – практически бесценным. Найти его очень сложно, но возможно, тонкостям этого процесса посвящены целые практики, о них мы сейчас рассуждать не будем. И, если мы не ошиблись, Филипп – как раз такой человек.

Француз умолк, видимо, давая Якову Ильичу время прийти в себя и проникнуться идеей уникальности рожденного им сына, но через некоторое время продолжил свою речь:

– Самые сложные грани сущего – понятия Добра и Зла. Эти основополагающие категории в их абсолютном значении неспособны верно трактовать даже те, кто достиг высшего града посвящения, особенно не в теоретическом рассмотрении идей, а в прикладном аспекте, при возникновении ситуаций, где опасен ложный выбор. А человек-компас всегда интуитивно следует единственно верному пути.

– То есть его душа, выходит, столь стара и мудра, что постигает изначальные настройки мироздания?

– Напротив, полагаю, она так молода, что просто не успела их забыть. Но это уже отвлекающие мудрствования, а мы сейчас говорим конкретно о вашем сыне.

– Погодите... Я все никак не могу охватить разумом! – охнул Яков Ильич. – То есть Филипп обладает такой чудодейственной способностью? Вот уж бы не подумал!

– Труднее всего порой бывает рассмотреть то, что находится слишком близко, – философски отвечал француз, тут же следом перейдя на деловитый тон: – За разговорами мы теряем время, а ночь почти на исходе. Вы пока осмысливайте, но пойдемте уже к вашему котловану, это дело не менее, а может, и более важное.

Дверь заскрипела, предупреждая мальчика о том, что сейчас он будет обнаружен. Филипп в ужасе прижался к стене, ожидая позора и неизбежно должного впоследствии строгого наказания за проступок. Батюшка не признавал телесных истязаний. Отлично зная пристрастия сына, он в назидание запрещал ему определенный срок подходить к роялю, и мальчик предпочел бы любые колотушки этой воспитательной изошренности. Его сердце уже трепетало, предчувствуя лишение любимого занятия, да так не вовремя, когда француз привез столько незнакомых партитур! Но, к счастью, Яков Ильич с новым учителем быстро прошли мимо, не заметив его в темном коридоре. В руках у мосье Деви был какой-то увесистый сверток. Филиппу страшно хотелось последовать за ними, но мальчик не стал этого делать, а немедленно вернулся наверх, в свою комнату.

«Как же так, – думал он, засыпая, – я только что подслушал беседу, для моих ушей явно не предназначенную. Разве такое поведение похоже на человека, всегда делающего верный выбор?» Он мысленно попросил у Господа прощения и тотчас погрузился в крепкий сон, означавший, видимо, что отпущение даровано.

Поту Филиппа разбудил необычный гул. Выглянув в окно, мальчик увидел, как землянокопная машина, бодро размахивая ковшом, засыпает вырытую яму.

Марфа, 1988

Марфе вспомнилось, как ее бывшие ученики из родного села увлеклись краеведением и решили написать в районную газету заметку об истории местного помещичьего имения. Когда же это случилось? Ей тогда было около семидесяти, значит – в конце восьмидесятых. Она все никак не решалась выйти на пенсию, продолжая преподавать в городской школе, поскольку вежинскую давно закрыли.

Они с ребятами, вернувшись из города, сидели на завалинке большой избы, бывшей школы, где ныне размещался переехавший из обвалившейся церкви комсомольский клуб. Марфа понимала, что как учитель она призвана поощрять любознательность и интерес к истории.

– Увы, и о самой усадьбе, и о ее владельцах известно очень мало, – посетовала она. – Когда-то, по словам очевидцев, это был красивейший ансамбль, состоящий из барского дома и хозяйственных построек, возведенный зодчими в конце XVIII века. Фамилию помещика, владевшего до революции имением, я, к сожалению, не знаю.

– Марфа Ивановна, а почему это место называют черным? – с придыханием, выдающим волнение и страх, спросила одна из девочек. Симочка, хрупкая, склонная к мистицизму, романтическая и нежная.

– Думаю, из-за пожара, случившегося в 1918 году, – пояснила учительница. – Все строения, кроме отдаленного флигеля, были сложены из дерева, и от них практически ничего не осталось.

– А отчего они загорелись-то? – тут же полюбопытствовал другой ученик. Петя, он всегда интересуется причинами.

Глаза ребят зажглись жарким любопытством, и она с грустью подумала, что в людях, видимо, изначально заложена страсть к ярким негативным событиям, раз уже в детстве они одинаково реагируют на упоминание о пожаре. Впрочем, нет, не совсем одинаково: маленький Тема выглядел опечаленным, несколько месяцев назад сгорел его родной дом, и теперь вся семья жила у родственников. Если эти события не затрагивают их лично – сделала поправку пожилая учительница.

– После революции из бывшего барского дома планировали сделать новую школу. Но никто в округе не хотел ни работать там, ни отпускать туда детей – место это имело здесь дурную славу. Якобы по ночам в окнах видели огни, а по саду бродил колдун в черных одеждах. Кто-то из наиболее здравомыслящих местных жителей предположил, что в доме скрываются контрреволюционные элементы.

– Кто такие элементы? Они действительно там прятались? А кем они были? И что – всех сожгли? – наперебой загомонили школьники.

Улыбнувшись при виде детской нетерпеливости, она привычным строгим учительским жестом остановила поток вопросов и начала отвечать четко и последовательно, словно распуская клубок:

– Контрреволюционными элементами называли людей, препятствующих социалистической революции. Старожилы упоминали, что в барском доме в дореволюционные времена творились странные дела, якобы там гостил колдун, исповедовавший какую-то темную религию. Возникло предположение, что теперь он, скрываясь от советской власти, решил найти себе пристанище в усадьбе.

– А что значит – темную? Разве не любая религия создана для одурманивания народа? – раздался новый вопрос. Руслан, любитель четких формулировок и непреложных истин.

– Конечно, не любая! Вот моя бабушка ездит в церковь и молится, но это не значит, что она одурманена. Просто она в Бога верит, – заспорил звонкий девчачий голосок. Наташа, красавица с толстой русой косой, доброй душой и сильным бойцовским характером.

– Но ведь наука доказала, что никакого Бога нет и быть не может, значит, твоя бабушка верит в то, чего не существует. А почему? Потому что попы ввели ее в заблуждение, – авторитетно возразил другой мальчик. Семен, достойный сын директора школы, такой же ярый атеист и сторонник коммунизма, столь же честлюбивый и предприимчивый.

Шесть пар детских глаз вопросительно уставились на нее, свою первую учительницу, но она сочла за лучшее свернуть дискуссию. Марфа старалась в беседах с учениками не касаться вопросов религии и ловко обошла скользкую тему, умело подпустив тайны в и без того неясную историю:

– На самом деле, никто в нашем селе толком не знал, обитает ли кто-то в бывшем барском доме, а всякая загадка, как вы знаете, вызывает много домыслов. Ходили слухи о жутких столах, доносящихся по ночам из усадьбы, любую беду – от пропажи человека до падежа скотины – людское воображение стало приписывать колдовству. Дошли эти разговоры и до властей, и тогда из города приехала комиссия в сопровождении солдат – на случай необходимости ареста.

Марфа ненадолго умолкла, сглатывая сухой ком в горле, вызванный неожиданно воскресшими собственными воспоминаниями. При этом взор ее случайно остановился на Семе. Лицо обычно самоуверенного ученика было бледным, на нем явственно проступила тревога. Он что-то знает, догадалась Марфа. Видимо, Семен Юрьевич, с молодых лет живший в Вежино и наверняка бывший свидетелем всех происходивших здесь событий, успел поделиться с правнуком. Но что такого мог рассказать старик, если двенадцатилетний мальчик замирает от ужаса, боясь вновь это услышать?

– И что – арестовали колдуна? А зачем было жечь усадьбу? – вновь прорвавшееся детское нетерпение заставило учительницу отвлечься от собственных мыслей. Это, конечно же, Петя, разум которого занят бесконечными «зачем» и «почему».

– Не знаю, может, что-то случайно загорелось. Но старики рассказывали, будто пламя полыхало всю ночь, выгорело все – и дом, и конюшни, и амбары, и даже деревья в саду, пеплом да сажей засыпало все на полкилометра вокруг. Вот и стала бывшая усадьба черным местом. Так что в этом названии нет ничего загадочного.

– Как же ничего? А был ли на самом деле колдун? И что все же послужило причиной пожара? – заволновались дети, предчувствуя, что история так и останется недосказанной.

Марфа могла бы поделиться собственными фантастическими идеями на этот счет, но она старалась не обманывать своих учеников.

– Я рассказала вам все, что знаю сама, – объявила она, лишь слегка слукавив. О своем детском приключении в развалинах усадьбы Марфа умолчала, но не только потому, что желала его утаить. Учительница не хотела сеять лишние страхи в душах и без того не слишком-то счастливых деревенских ребятишек. Видя, как детские мордашки искривляются, не в силах скрыть разочарование, она с деланным энтузиазмом заговорила вновь:

– А знаете, об этой усадьбе ходит в народе одна легенда, возможно, вы ее даже слышали?

– Это о влюбленных, что ли? – без особого интереса спросил Руслан.

Нежные чувства мальчиков-шестиклассников еще не интересовали. Зато девчушки тут же воспрянули духом и хором заголосили:

– Расскажите, Марфа Васильевна!

Она не заставила себя упрашивать.

– У барина, владельца поместья, был единственный сын. Однажды в усадьбе появился новый садовник с дочерью – по возрасту почти ровесницей мальчика. Дети подружились, а потом, когда пришла пора юности, влюбились друг в друга...

– И поженились? – волнуясь, попыталась опередить события сентиментальная Сима.

– Ты что, какой союз мог быть между сыном богатого помещика и дочерью садовника? – одернул ее рассудительный Петр.

– Вообще-то, в начале нашего века межсословные браки уже были менее редкими, чем прежде, – покачала головой учительница, глядя в полные сладкой надежды Симочкины глаза. – Но дело-то не в том! Все вышло гораздо сложнее и трагичнее. Юноша отправился учиться на хирурга в Петроград, так тогда Ленинград назывался. По окончании учебы влюбленные планировали пожениться. Но шла Первая мировая война, на фронте остро требовались врачи, сын помещика добровольно отправился спасать жизни солдат.

– И погиб? – ахнула Сима.

Марфа строго посмотрела на девочку: мол, не перебивай, и торопливо досказала конец истории:

– Началась Великая Октябрьская революция. Возможно, он не погиб, но в родные края так и не вернулся. А дочь садовника однажды пропала, и о ней больше никто ничего не слышал.

– Это было на самом деле? – уточнил дотошный Руслан.

Учительница молча пожала плечами. Сколько она себя помнила, сию печальную повесть заводили старожилы, когда заходила речь об усадьбе, – она была чем-то вроде крышки, маскирующей бездонный колодец той страшной тайны, о которой никто не хотел упоминать. Несмотря на обилие подробностей, Марфа не особенно верила в подлинность рассказа о влюбленных, разлученных навеки кровавыми событиями начала века. Романтической историей о несчастной любви могла похвастать едва ли не каждая старинная усадьба.

– А давайте все вместе сходим на развалины! – отважно предложил Петя.

Марфа знала: отговаривать детей, пугая опасностью, – все равно что подбрасывать в огонь сухие ветки. И вновь ей пришлось манипулировать ребятишками при помощи полуправды:

– Вы не найдете ничего интересного. Я много раз там бывала, ведь мой дом совсем рядом. Все заросло полынью да крапивой, под которыми – лишь остатки гнилых обгоревших бревен. Вы исцарапаетесь, перемажетесь и вернетесь домой в таком виде, что ремня вам не избежать.

Впечатлившиеся этой картиной дети расстроено притихли. Нравы на селе были суровыми, родители не читали книг о гуманном воспитании, а предпочитали учить уму-разуму своих отпрысков по старинке, так что упоминание ремня было преувеличением разве что в отношении девочек. Да и тем могло крепко достаться за изодранное платье. Сколько ни проповедовала Марфа своим соседям о воспитании добрым словом, эта идея в их головах никак не приживалась. На том краеведческий порыв ребятишек, к счастью, иссяк.

Вернувшись домой, Марфа впервые за много лет побрела через заросли в сторону бывшей усадьбы. Окрестности действительно давно пребывали во власти распоясавшихся сорняков и выглядели совсем иначе, чем ей помнилось с детства. Почерневшие остовы лип и тополей давно исчезли, а новые деревья почему-то здесь не росли, и лишь вдали жизнерадостно зеленели молодые березки, родившиеся из семян, набросанных ветром. Высокие метелки трав полностью скрыли следы человеческой деятельности, превратив территорию усадьбы в огромный, неровный, неухоженный луг с прудом посредине, напомнивший ей засаленный вытертый ковер в школьной учительской. Марфа еле сумела отыскать среди зелени некогда вымощенную камнем садовую дорожку, по которой хоть как-то можно было передвигаться меж распоясавшейся растительности. Едва она подумала о том, что десятки лет здесь не ступала нога человека, как различила вдали, возле самого фундамента барского дома, сейчас полностью утонувшего в траве, незнакомку в светлом плаще, неподвижно стоящую то ли на камне, то ли на остатках кирпичной кладки. Ее фигура призрачным силуэтом выделялась на фоне закатного неба и произвела на Марфу зловещее впечатление. И еще пожилой учительнице показалось, что неизвестная женщина смотрит прямо на нее.

Когда незнакомка приблизилась, Марфа машинально отметила, что та довольно молода, хороша собой и одета с нездешней элегантноcтью, отчего ее появление среди развалин усадьбы выглядело еще более нелепым.

– Здравствуйте, я Оливия, – представилась неуместная гостья, и легкая неправильность звуков выдала в ней иностранку. – Вы давно здесь живете? Я ищу женщину, которую зовут Адель. Вы знаете такую?

Марфа отрицательно покачала головой, хотя при звуках этого имени по спине пробежала ледяная рябь, а в недрах памяти шевельнулось что-то вроде давних воспоминаний.

Иван, 2016

Мысленно проклиная Анну, я лез вперед, продираясь через торчащие повсюду высокие сухие стебли.

– Радуйся, что сейчас не лето, – усмехнулась моя спутница и пояснила, указывая на ковер пробивающейся поросли: – Это крапива.

Я бы порадовался, но кругом, докуда доставал глаз, была одна и та же негостеприимная равнина, густо утыканная колючими пиками. Неугомонная подруга, убежав вперед, вскарабкалась на небольшой холм и ахнула, выхватывая из кармана айфон:

– Ты только посмотри!

Я неспешно поднялся за ней, не ожидая увидеть ничего особенно интересного. С возвышенности открывался вид на бывшую усадьбу – это я сразу понял по проступающим сквозь старые остовы растительности и резвые молодые побеги очертаниям фундаментов, лестниц и дорожек. Картина, должен признаться, была фантастической: затейливый рисунок прежней жизни, который вот-вот скроется под драпировкой зелени. Воды большого пруда были повесенному темны, и он выглядел чернильной кляксой посреди полустертого эстампа. Наверное, лишь краткий кусочек года, после того, как сойдет снег, но еще не настанет буйное засилье травы, можно наблюдать это щемящее зрелище исчезания в пучинах времен. И нам посчастливилось оказаться здесь именно в этот период. Посчастливилось ли?

Анна энергично шагнула вниз, явно устремившись к самому большому скоплению каменных деталей, и мне пришлось последовать за ней. Мы обогнули пруд и по едва читаемой дорожке приблизились к тому, что осталось от постройки, вероятно, бывшей когда-то помещичьим особняком. Пока моя спутница суежилась вокруг, отыскивая свои волшебные ракурсы, я присел на камни.

Я не сразу заметил внутри почти полностью стертого временем нижнего кирпичного яруса здания ступени, ведущие вниз. Думаю, раньше они были полностью засыпаны обгоревшим деревом, но за прошедшее столетие древесина благополучно разложилась, оставив только темный налет органики на шершавой поверхности каменных выступов. Ох, черт, разумеется, Анна захочет туда спуститься! Я заглянул поглубже, прикидывая, насколько это опасно. Лестница исчезала где-то в недрах подземелья. Покидав туда камешки и убедившись, что это не бездонный колодец, а всего лишь что-то вроде подвала, я окликнул Анну.

– Ух ты, – предсказуемо восхитилась она и не менее ожидаемо тут же полезла вниз. Мне ничего не оставалось, кроме как отправиться следом.

Глубина была небольшая, метра три. Света от двух телефонов оказалось достаточно, чтобы разглядеть довольно просторное помещение, совсем пустое, если не считать мусора и грязи. Я осмотрел перекрытия – искусная кирпичная кладка сводов почти не повреждена, так что обвал, вероятно, нам не грозил. Сбоку уходило в неведомую даль черное жерло узкого коридора. Вытянув руки с мобильниками и освещая пространство перед собой, мы двинулись вперед.

Нас встретили стоящие вдоль стен широкие деревянные лавки и стеллажи, довольно хорошо сохранившиеся – видимо, влага сюда не попадала.

– Представь: до нас тут сто лет никого не было, – зашептала Анна, и непривычно тихий голос выдал ее волнение.

Я кивнул, боясь говорить даже шепотом, словно звук мог разрушить изумительное ощущение временной петли, в которой мы случайно оказались. Вдруг Анна, идущая чуть впереди, с шумом втянула воздух. Я сперва на мгновение замер, а затем бросился к ней, шаря глазами по небольшому освещенному пятачку и силясь понять, что вызвало такую реакцию. Девушка помогла мне, направив луч света на нишу, возле которой лежали человеческие останки – скелет, едва прикрытый следами иссушенной плоти в струпьях истлевшей одежды. Я пригляделся и понял, что торчащие из стены ржавые железки – это остатки кандалов, которыми человек, вероятно, был здесь прикован. Первой реакцией стало желание с криком бежать прочь. Сопроводить с собой мне помогла мысль об Анне, пребывающей в неподвижном молчаливом ступоре, вовсе для нее не характерном. Из учебника я знал, что психический шок может вызвать расстройство основных функций организма – кровообращения, дыхания, нервной деятельности, обмена веществ. Попытался оценить состояние девушки, обняв ее за плечи, и тотчас ощутил нервную дрожь – моей спутницы или свою собственную – я так и не понял.

– Ты как? – спросил я, осторожно ее тормоша.

– Как думаешь, от чего она умерла? – проговорила Анна срывающимся шепотом.

– Почему ты решила, что это *она*? Даже я, без пяти минут врач, не смогу сходу отличить мужской скелет от женского, – поинтересовался я, испытывая облегчение от того, что моя подруга приходит в себя.

– При чем тут скелет? Посмотри на одежду, – она слегка повела лучом света, и я согласился, что едва заметные остатки ткани, несмотря на свою эфемерность, сохранили форму длинной юбки.

– Господи, кто и зачем мог держать здесь женщину? – потрясенно пробормотал я, забирая у своей спутницы айфон, пока ее слабеющая рука не выронила дорогое устройство на каменные плиты пола. Крепко обняв Анну, я предложил:

– Наверное, сейчас нам лучше уйти отсюда и вызвать кого-нибудь.

Она молча кивнула. Я нечаянно дернул рукой со светящимся айфоном, луч скользнул по дальней стене, и девушка взвизгнула. Я посветил в то место, где тоже заметил нечто, чего мой взгляд не сумел так быстро распознать. Полусгнившая вата отчетливо сохранила форму игрушечного медвежонка...

Я начал опасливо шарить лучом вокруг, безумно боясь увидеть мумифицировавшиеся останки ребенка. К счастью, в сравнительно небольшом зале со множеством колонн, поддерживающих свод, куда привел нас подземный коридор, скелетов больше не было. У стен громоздились груды хлама, в некоторых из них при наличии воображения можно было опознать бывшие лари или шкафы. Было бы здорово найти здесь какие-нибудь бумаги, но едва ли они могли сохраниться. Взяв Анну за руку, я направился к самой большой куче неизвестно чего, лежащей в нише между колоннами.

Отбрасывая на кирпичную стену причудливые тени, в дрожащем в такт нервному тремору руки луче света появились какие-то доски и металлические предметы. В трухлявой древесине я не без труда опознал остатки большого кофра, а вот железяки поставили меня в тупик. Они не были похожи ни на рабочие инструменты, ни – слава богу – на орудия пыток. Взгляд остановился на единственной хорошо сохранившейся и легко опознаваемой вещи – прямоугольном металлическом ящичке сантиметров двадцати в длину.

Я ни в коей мере не являлся знатоком старины, но, живя в Санкт-Петербурге, невозможно вовсе не получить представления об искусстве предшествующих эпох. И на филигранные шкатулки работы русских и иностранных мастеров последних столетий этот простоватый,

покрытый странным орнаментом сундучок ничуть не походил. Он выглядел куда более грубым, вызывая ассоциации скорее со Средневековьем. Приглядевшись, я заметил, что внешние поверхности ларца украшают не узоры, а надписи. Латынь – определил я, но прочитав ничего не смог и потянулся к загадочной находке. Однако Анна меня опередила: она двумя руками подняла ларец, оказавшийся, судя по всему, довольно тяжелым, и, поставив его на относительно чистый кусок пола, схватилась за кольцо.

– Не открывай! – неожиданно для самого себя вскрикнул я, но было уже поздно: крышка легко поддалась и откинулась в сторону. Я осветил внутрь. Не знаю, что мы ожидали увидеть. Полагаю, Анна воображала старинные драгоценности, я же грезил о неиспорченных временем бумагах.

В ларце было пусто, лишь вековая пыль хранила очертания какого-то предмета неправильной формы, вероятно, когда-то в нем лежавшего.

– Что, черт возьми, все это значит? – от переживаний низкий с хрипотцой голос Анны прозвучал на октаву выше, отразившись от старинных сводов, эхом прокатился по замусоренному коридору и нервными мурашками – по нашим спинам. Подземелье, бывшее, возможно, единственным свидетелем какого-то давнего жуткого события, ответило ей тяжелым, многозначительным молчанием.

Глава вторая

Печальные птицы

Филипп, 1914

Филипп привязался к новому учителю, и не только из-за того, что их объединяла любовь к музыке. Будучи человеком широко образованным, мосье Деви, с его неблагозвучным голосом, обладал превосходным даром рассказчика. Уже через пару минут урока Филипп не замечал скрипучих интонаций и натужных покашливаний, всем существом впитывая лишь суть рассуждений, слетающих с уст учителя. Прежний гувернер преподносил науки сухо и скучно, заставлял выучивать наизусть целые страницы учебников и строго спрашивал ответа. Мосье Деви вообще не признавал никаких учебных пособий, просто время от времени предлагал Филиппу прочитать ту или иную книгу из своей личной библиотеки или только что привезенную им из Петербурга. Быстро уловив, что доминирующей системой восприятия мальчика является слух, он сделал упор на устное изложение материала, проводя занятия не в специально отведенной классной комнате, а в самой непринужденной обстановке, зачастую – на прогулке по усадьбе или окрестностям.

Латынь, считавшаяся прежде Филиппом до невозможности нудной, вдруг обрела краски в мелодичном звучании строф Горация и Овидия, а когда мосье Деви изящно перевел для него «Поллион» Вергилия, предсказывающего золотое будущее человечества, мальчик был полностью очарован и уже сам страстно желал проникнуть в душу языка, познать его порядок и структуру. За латынью следовал древнегреческий – язык расцвета античной философии и литературы, все невероятное богатство которых разворачивалось перед Филиппом постепенно, превращая его жизнь в череду завораживающих открытий.

Математика и физика, вопреки стараниям учителя, мальчика не увлекли, но неожиданно заинтересовала биология. Внутреннее, потаенное устройство жизни оказалось ошеломляюще хитрым и складным, потому на батюшкино желание сделать из сына лекаря Филипп уже не так сетовал, как прежде.

Тем временем и в мире, и в стране, и в усадьбе происходило множество как судьбоносных, так и незначительных событий, причем отличить одни от других было непросто. В Лондоне состоялась премьера бродвейского мюзикла «Adele», что дало Филиппу повод подшучивать над своей младшей подружкой. Аэроплан-тяжеловес «Илья Муромец» Сикорского был переоборудован в «летающую лодку» и принят морским ведомством – эта новость несколько дней занимала думы Якова Ильича. В вежинское приходское училище, по-прежнему содержащееся на средства барина, из Петербурга был выписан выпускник Учительского института имени императора Александра II, человек умный и прогрессивный, вооруженный новейшими идеями педагогической науки, что очень взволновало обеих девочек. А в усадьбу из Парижа приехал погостить дядюшка Герман Ильич, о котором до того дня никто и слухом не слыхивал.

Барин объявил о скором приезде брата за ужином равнодушно и отстраненно, как о каком-то несущественном явлении, но Пелагея Ивановна и Катрин, благодаря причудам Якова Ильича постоянно пребывающие в усадьбе без всякой возможности светского общения, разумеется, тут же пришли в азитацию, забросав его вопросами:

– Яков Ильич, отчего вы никогда не упоминали о брате? Вы с ним не в ссоре ли? Он все эти годы жил в Париже? А женат ли Герман Ильич? Он прибудет один или с семьей?

Пелагея Ивановна, состоя с Яковым Ильичом в дальнем родстве и с младых лет живо интересуясь делами семьи, припомнила, что барыня Элоиза, покойная матушка Якова Ильича,

была француженкой. Она родила двойню, но один из младенцев оказался то ли больным, то ли еще каким ущербным. Более о том мальчике никто из родственников не упоминал, и подразумевалось, что он умер. А теперь, значит, выясняется, что он рос и воспитывался во Франции, в поместье графа – родного брата Элоизы. Приехав поздравить любимую сестру с рождением первенцев, тот застал барыню умирающей от родильной горячки. Бездетный француз увез рожденного хилым и немощным мальчика с собой, обещая обеспечить ему должное лечение, а впоследствии усыновил его. Так что братья были разлучены вскоре после рождения и встретились лишь уже взрослыми, когда Яков Ильич стал наезжать во Францию по своим загадочным делам.

– Так чем же нынче занимается ваш брат? И почему только теперь он решил навестить родные места? – едва ли не клещами вытащив из Якова Ильича все вышеизложенное, не унималась любопытная женщина.

Барин хмуро обвел глазами сидящих за столом домочадцев, на секунду задержав взор на своем четырнадцатилетнем сыне. Филипп единственный вел себя спокойно и сдержанно, хотя новость о приезде неизвестного доселе дядюшки и его взбудоражила тоже.

– Герман – спирт, – только и произнес Яков Ильич, заставив присутствующих изумленно ахнуть.

Спиритизм, давно превратившийся в столицах в массовую практику, чуть ли не в салонную игру, здесь, в провинциальной глуши, был все еще окружен притягательным ореолом неизведанности. Вопреки тому, что отец Амвросий, местный приходской священник, неоднократно упоминал это загадочное действо в своих проповедях, обличительно именуя его «бесовством», женская часть семьи, представленная Пелагеей Ивановной и Катрин, не только не утрачивала интереса к теме, а словно еще больше ею зажигалась. И вот, оказывается, скоро в усадьбе появится настоящий живой медиум, да еще и французский граф! Ну как тут не взволноваться!

Вечером того же дня Филипп поинтересовался у мосье Деви, знаком ли тот с батюшкиным братом. Учитель лаконично кивнул, демонстрируя явное нежелание отвечать подробнее.

– И каково о нем ваше мнение? – все-таки спросил мальчик, безмерно уважавший суждения француза.

Тот только устало прикрыл глаза:

– Филипп, ты сам все поймешь, едва его увидишь. Мне не хотелось бы своей оценкой как-то повлиять на твое отношение к дядюшке.

Прибытия графа ждали с большим нетерпением. Пелагея Ивановна совсем загоняла лакеев, горничных и даже садовника, стремясь придать усадьбе как можно более презентабельный вид, хотя никаких указаний «привести в совершенство» от барина не поступало. Несколько дней в особняке и вокруг него царил суета: паркетные полы натирались до блеска, столовое серебро тщательно начищалось, окна намывались, кусты подрезались, на клумбы высаживались цветы, задний двор посыпался чистым песком.

Знаменательный день выдался по-летнему теплым, окна стояли открытыми, дабы выветрить тяжелый дух половой мастики и чистящих средств. Сидя в гостиной, Филипп наблюдал, как Адель ковыряется в земле маленькой лопаткой, что-то пересаживая и подправляя в стремлении придать весенней клумбе идеальный вид. Девочка подоткнула подол юбки, благодаря чему время от времени ему были видны ее белые, изящные, словно у фарфоровой статуэтки, лодыжки. Завороженный этим зрелищем, мальчик проворонил раздавшиеся прежде времени звуки, знаменующие приезд гостя, и выбежал из парадного, когда все семейство уже было там.

К крыльцу подкатил элегантный экипаж, запряженный шестеркой великолепных, один к одному, вороных коней – невиданная роскошь для здешних мест. Филипп, обожавший лошадей, все свое внимание сосредоточил на дивной стати животных, и момент торжественного появления самого дядюшки пропустил. Лишь спустя минуту он перевел взгляд на человека,

неспешно вышедшего из экипажа. Вдруг все поблекло, как если бы солнце внезапно зашло за тучу. Мальчик потерял глаза, но темная пелена не исчезла, а сердце дрогнуло от странного предчувствия, почудилось, будто все в одночасье переменялось на каком-то ином, незримом уровне. Так бывало и в музыке, когда одно настроение – вальсовая россыпь неторопливых звуков – разом сменялось другим, бурными волнами наползающих друг на друга тревожных аккордов. Филипп часто думал потом: как это за одно мгновение он сумел ухватить суть происходящего?

Герман Ильич оказался высок и строен, одет богато и со вкусом, но не это бросалось в глаза, а его необычная внешность. Беломраморное неживое лицо с почти невидимыми бровями и ресницами, обрамленное белыми длинными волосами, было лишено красок, не считая хищно рдеющих прихотливо изогнутых губ. «Кем еще быть с таким обликом, как не колдуном, магом или спиритом?» – подумал Филипп.

Долгожданный гость довольно холодно поприветствовал брата, что составило резкий контраст той веселой шутливости, с которой он представился остальным:

– Герман де Вержи, дамы и господа. Прошу любить и жаловать!

Филиппу сразу вспомнился отвратительно жестокий граф из итальянской оперы Гаэтано Доницетти, о коей мальчику было известно благодаря широким познаниям в музыке мосье Деви. Из-за этой ассоциации образ дядюшки приобрел еще более зловещую окраску.

Хотя назначенное время обеда уже почти наступило, Филипп все мешкал в своей комнате. Он не хотел спускаться вниз, однако неведомая сила влекла его туда. Любопытство, конечно, но и не только – так стремятся скорее встретиться с тем, что, возможно, погубит, но перед этим принесет неизведанные ощущения. Когда он все-таки возник на пороге столовой, остальные уже заняли места за большим дубовым столом, накрытым по случаю торжества самой роскошной скатертью, какую только смогла отыскать в сундуках Пелагея Ивановна. По белоснежной льняной поверхности драгоценными камнями были рассыпаны бесчисленные блики от электрической люстры, отраженные сверкающими серебром и фарфором. Яков Ильич, то ли ошарашенный всем этим непрошеным великолепием, то ли обескураженный приездом брата, выглядел погруженным в себя и несколько меланхоличным, зато Пелагея Ивановна и Катрин веселились от души, слушая занимательные речи гостя.

Дядюшка, по-видимому, привыкший в полной мере эксплуатировать свою причудливую внешность, был одет в черный старомодный сюртук, расшитый серебром, удивительно ему шедший. Четырнадцатилетняя Катрин в новом незнакомом платье с завышенной талией и длинной ниспадающей юбкой, искусно украшенном цветочными вышивками, смотрелась совсем взрослой барышней. Необычно женственная и смиренная, она буквально пожирала глазами графа, залившись смехом его шуткам. Филиппу непривычно и отчего-то неприятно было видеть ее такой.

Голос у де Вержи оказался мелодичным, с богатейшим арсеналом интонаций – от сладких, мурлыкающих при обращении к дамам до четких, требовательных в общении с прислугой и елейно-снисходительных по отношению к брату. Филиппу все это казалось ненастоящим, как представление в театре.

– И с какими же духами вам доводилось беседовать? – интересовалась Пелагея Ивановна. – Я слыхала, в столице из известных людей все больше Пушкина вызывают, но у вас, во Франции, должно быть, другие предпочтения?

– О, у меня случались весьма интересные собеседники! – не разочаровал ее Герман Ильич. – Парацельс, например. В потустороннем мире он нашел подтверждение своей идеи о существовании у человека, наряду с физическим, сидерического тела, связанного с движением звезд. Мне и с самим Месмером довелось пообщаться. (Тетушка восхищенно ахнула.) Покинув

земную юдоль, он продолжает разрабатывать свою концепцию животного магнетизма – особого рода флюидов, которые позволяют устанавливать телепатическую связь с другим человеком...

Филипп слушал галиматью, которую нес дядюшка, и думал: ну не могут они быть такими идиотками, особенно Катрин. Не далее как вчера Филипп ей разъяснил, что Дмитрий Иванович Менделеев, член-корреспондент Российской Императорской Академии наук, еще тридцать лет назад разоблачил это шарлатанство, создав специальную научную комиссию для исследования спиритических дел. А месмеризм – и вовсе отсталое учение, прошлый век.

– Отец Амвросий утверждает, что на спиритических сеансах являются бесы и, представившись вызываемыми духами, над людьми куражатся. Что вы на это скажете? – Катрин таки очнулась от морока, вызванного гипнотическими речами дядюшки, и не подвела.

– Не стоит судить о том, чего сам не изведаль, – умело парировал граф де Вержи. – Давайте как-нибудь на днях устроим сеанс, и тогда вы сами во всем убедитесь. Яков, надеюсь, ты не будешь против? Нет?

Обычно весьма сдержанная Пелагея Ивановна при этом предложении чуть не захлопала в ладоши. Яков Ильич насупился, но промолчал, тем самым как бы позволяя брату творить все, что тому в голову взбредет.

– Отлично! Тогда назначим, скажем, на следующей неделе. Сегодня уже поздно, а завтра я хотел бы прогуляться верхом, осмотреть поместье. Филипп, ты составишь мне компанию?

Неожиданное обращение дядюшки, который до этого, казалось, не замечал сына своего брата, застало мальчика врасплох.

Он неуверенно кивнул, понимая, что иного выхода у него нет.

– Будет весело, – пообещал граф, и в его голосе Филиппу послышалась угроза.

Иван, 2016

Вернувшись в общежитие после смены, я еще в коридоре услышал сердитое гудение Анны, беседовавшей, очевидно, с Дольчевитой.

– Представляешь, в архиве работают такие странные люди! По идее их, имеющих дело с различными старыми документами, должна сразу заинтриговать загадочная история, случившаяся в начале века, а они смотрят на меня равнодушными рыбьими глазами и талдычат: «Уточните, какой именно фонд вас интересует?»

По возвращении в город Анна развила бурную деятельность, в результате чего на старое пожарище выехали одновременно полиция, представитель отдела культуры и съемочная группа телеканала, где моя подруга значилась помощником редактора.

Человеческие останки полицейские довольно равнодушно забрали для определения срока давности и причины смерти, с точки зрения культурной ценности некоторый интерес представлял разве что обнаруженный нами ларец, но тележурналисты не без влияния одной неугомонной особы сумели раздуть из этого дела целую детективную историю, попутно призвав граждан, знающих что-либо об усадьбе, поделиться информацией. Пятиминутного сюжета в местных новостях я не видел, поскольку на тот день как раз пришлась моя смена в приемном, но Анна пересказала мне его практически слово в слово. Теперь она металась по архивам и музеям, азартно отыскивая любые упоминания о Вежино, я же полностью погрузился в медицину, готовясь к летней сессии и продолжая трижды в неделю санитарить.

Я вошел в комнату и увидел Анну сидящей в кресле напротив Виталика в моей любимой позе со скрещенными лодыжками длинных изящных ног. Дольчевита внимал словам девушки с неподдельным интересом на лице. Догадываюсь, что он неровно дышал к моей подруге, но, зная ее крутой нрав и острый язык, подступить к ней не решался, только смотрел умильно и – подозреваю – мысленно пытался ее раздеть. Грудь Анны соблазнительного третьего размера

колыхалась под тонкой тканью блузки в такт возмущенным словам, и справедливости ради я должен признать, что это весьма способствовало течению мыслительного процесса именно в таком направлении.

Завидев меня, девушка подскочила, тут же разрушив всю композицию. С радостным возгласом:

– Ну наконец-то! Переодевайся скорее, нас ждет Вадим Валерьянович, это, если ты забыл, эксперт, которому я передала шкатулку из подвала. Он обещал рассказать что-то интересное, – она принялась кидать мне заранее приготовленную чистую одежду.

– А поспать? – уныло осведомился я, поскольку смена выдалась довольно хлопотной.

– Потом выступишься! – категорично бросила она. – Только не говори, будто тебе не интересно, что было в том ларце!

Мне было интересно, к тому же спорить с Анной, когда она вошла в раж, себе дороже, так что я покорно собрался, и мы отправились к эксперту.

В метро, стараясь перекричать царивший вокруг шум поездов и гомон толпы, моя подруга делилась результатами своих изысканий:

– В архиве мне удалось узнать не так уж много. Это поместье до революции принадлежало Якову Ильичу Вежину, а до этого – его отцу, Илье Серафимовичу.

Анна открыла блокнот и принялась зачитывать оттуда:

– Илья Серафимович Вежин, дворянского сословия, 1850 года рождения, умер в 1908. Его жена – Элоиза Вежина, урожденная де Вержи, год рождения неизвестен, умерла в 1874, родив двух мальчиков – Германа и Якова. О первом нет никаких данных, кроме записи о рождении в метрической книге, а второй умер насильственной смертью в феврале 1917 года, подробности неизвестны. В 1898 году Яков Ильич женился на Ольге Павловне Ильинской, она скончалась в 1908 году. У Якова Ильича имелся всего один сын, Филипп Яковлевич, 1900 года рождения. Как видишь, с женщинами в усадьбе было не густо, и непонятно, кому принадлежат те останки, разве что кому-то из прислуги.

– А судмедэксперт тебе что-нибудь сообщил?

Анна скривилась, и я понял, что очаровать специалиста ей не удалось.

– Он старый и хромой? – высказал я догадку.

– Она. Это женщина. Не хромая, но пожилая и очень суровая.

– Тогда понятно. Ну так все же, что-то ты узнала?

– Женским останкам действительно около ста лет, это была совсем юная девушка, на момент смерти ей исполнилось примерно лет 15–17. Причину смерти установить не удалось, никаких видимых повреждений. Возможно, она умерла при том самом пожаре, отравившись угарным газом, но это пока только предположение, не подтвержденное анализами, которых ждать неизвестно сколько. Это, видишь ли, дело далеко не первой важности, а лаборатория загружена. Да и конечно же самая большая проблема – установление личности. Как теперь, спустя целый век, выяснить, кем она была? Все, знавшие ее при жизни, давно умерли.

– А что насчет причин пожара? – я попытался переключить внимание Анны на другую тему, обсуждение найденных нами останков меня почему-то расстраивало.

– О, – тут же оживилась она, – у местных жителей мне удалось выяснить, что усадьбу сожгли служащие ВЧК, но о причинах толком никто не знает. Мы недавно делали сюжет о музее КГБ на Адмиралтейской, я там познакомилась с очень интересным человеком с большими связями в соответствующих архивах, возможно, он поможет разыскать какие-то документы, касающиеся этого дела. Если они, конечно, существуют.

За разговором я почти не заметил, как мы доехали до нужной станции метро. Эксперт с витиеватым именем Вадим Валерьянович обрелся в не менее вычурном месте – антикварном салоне на набережной Фонтанки. В отличие от Анны, я не благоговел перед стариной как

таковой, хотя искусно сделанные творения мастеров прежних времен мне, безусловно, нравились больше, чем современные конвейерные изделия.

Помещение салона вовсе не было плотно заставлено пыльной мебелью и предметами интерьера, как мне это представлялось. У хозяина явно было все в порядке не только с финансами, но и со вкусом. Войдя в дверь под скромной вывеской, мы оказались в просторном зале, где ненавязчиво играла музыка Рахманинова, что меня сходу очаровало. Разумеется, здесь соседствовали различные стили и эпохи, но они не смешивались в кучу, создавая ощущение исторического хаоса, а расположились отдельными экспозициями в хронологическом порядке – возле входа царил век двадцатый, постепенно сменяясь девятнадцатым, и перемещение по залу выходило своеобразным продвижением все дальше вглубь времен.

Возле дальней стены стоял стол, который я отнес к раннему итальянскому барокко, но мог и ошибаться. Из-за него нам навстречу поднялся высокий, очень элегантный, я бы даже сказал холеный мужчина лет сорока. Увидев Анну, он приветливо, без малейшего намека на сладострастие улыбнулся, чем сразу завоевал мою симпатию. После кратких приветствий хозяин быстро перешел к делу и заработал еще один плюс.

– Итак, этот ящичек, – он указал на стоящий на столе предмет, в котором я с трудом узнал наш ларец из подвала, поскольку, тщательно очищенный от грязи и ржавчины, тот выглядел несколько иначе, – сделан не позднее конца девятнадцатого века, работа довольно грубая, можно предположить, что творцом сего был отнюдь не ювелирных дел мастер, скорее даже обычный кузнец. Но тем интереснее цель его создания...

– Цель? – удивилась нетерпеливая Анна. – Разве у подобного предмета может быть иное назначение, кроме как хранение чего-либо?

– Вы не дослушали, милая барышня, – мягко пристыдил ее наш собеседник. – Разумеется, сей сундучок предназначен для хранения, вопрос лишь в том, *чего именно*.

Он снова сделал паузу. Моя подруга, явно умирая от любопытства, на этот раз сумела промолчать.

– Приведу такой пример: для каждой святой реликвии по заказу церкви создавались специальные ларцы или ковчеги, чаще всего с соответствующими фразами, указывающими на святую. Встречаются и охранительные тексты: «Кто дерзнет похитить, от церкви да отлучится». Но здесь мы имеем дело совсем с другим видом надписей, встречающихся на предметах средневекового периода, да и то нечасто. Я бы назвал их оградительными. Я не особенно силен в латыни, но вот это вроде довольно понятно.

Ведя пальцем по неровной линии полустертых букв на крышке сундучка, Вадим Валерьянович перевел:

– «Да пребудет сей камень в земле на веки вечные».

– Камень? В ларце хранился камень? – вновь не утерпела Анна.

– Можно предположить, что да.

– Драгоценный?

– Едва ли, – ответил я, тоже в некотором роде с латынью знакомый. – Латинское *lapis* означает просто камень, драгоценный был бы *gemmis*.

Анна не пыталась скрыть разочарование:

– И что все это значит?

– Давайте пофантазируем, – предложил Вадим Валерьянович. – Чтобы камень удостоился создания специального, пусть и не слишком изысканного вместилища для хранения, он должен обладать какими-то необычными свойствами. В старину камни часто в воображении людей наделялись особыми силами, правда, обычно это были большие валуны, оставленные ледником. Но встречались и так называемые «небесные камни».

– Метеориты! – догадался я.

– Они самые, – согласился антиквар. – Увидел, к примеру, крестьянин, как камень упал с неба. Перекрестился, поднял его, принес в дом. Думал – теперь удача к нему потечет рекой. А, допустим, случилось наоборот: корова пала или урожай сгнил. Он – к батюшке в церковь за советом. Священник понимает, что суеверие, но помочь-то прихожанину надо. Сказать: выброси камень – тот не поверит, все равно все несчастья станет ему приписывать. Ну и велит батюшка крестьянину: закажи кузнецу специальный сундучок, а на нем надпись вот такую и закопай в том сундучке небесный камень в землю, тогда он силу свою потеряет. Похоже на правду?

– Похоже, – согласилась Анна. – Только непонятно, кто и зачем тот камень выкопал и куда его дел. И как ларец в подвале барского особняка очутился.

Наш собеседник тонко усмехнулся и промолвил:

– Не расстраивайтесь, барышня. Я эту версию просто придумал, а настоящая история может оказаться гораздо более занимательной. Здесь еще много разных надписей, но они хуже сохранились, разберем их – может, что-то прояснится. Я вас прекрасно понимаю, меня и самого порой так зацепит какая-нибудь вещь, либо сама по себе необычная, либо при странных обстоятельствах обнаруженная, так и хочется узнать ее историю. Но, увы, не всегда удается. Некоторые тайны... – Тут Вадим Валерьянович умолк на полуслове, словно вспомнив о чем-то. С полминуты помолчав, он все же решил поделиться с нами тем, что пришло ему на ум: – Знаете, есть у меня в Москве знакомый коллекционер, он как раз собирает не просто старинные предметы, а только те, что, как говорится, «с историей». Присутствовал я у него на ужине в узком кругу людей, имеющих отношение к антиквариату. И там было что-то вроде представления: некто, называющий себя экстрасенсом, брал в руки раритеты из коллекции хозяина и рассказывал, что он при этом видит. Конечно, все могло быть подстроено, но коллекционер мне потом признался, что гость ни разу не ошибся и даже добавил кое-что новое к известной информации. Мне самому несколько претит идея пользоваться столь сомнительными услугами, но если вам совсем не от чего будет оттолкнуться, чтобы завершить свое исследование, то где-то у меня была визитка того ясновидящего. Сейчас мне некогда, но потом я обязательно найду и попытаюсь с ним связаться.

– Я непременно позвоню вам, – с энтузиазмом уверила Анна, прощаясь.

Сперва я решил, что она не прочь закрутить роман с импозантным антикваром, но, едва выйдя за порог салона, девушка пояснила:

– Ты представляешь, какую изюминку к нашей теме из этого можно сделать! Объявим, что экстрасенс в прямом эфире раскроет тайну старой усадьбы! Сейчас очень популярны подобные передачи.

Телевизор я практически не смотрел, но поверил ей на слово – по моим наблюдениям, народ действительно охотнее воспринимал всякую чушь, типа заговоренной воды и магических браслетов, чем прямолинейные и порой не особенно приятные рекомендации врачей.

– Ну, признайся наконец, что ты с ней спишь, – такой фразой меня встретил Дольчевита, устроившийся на кровати с учебником по пропедевтике внутренних болезней.

Я лишь отмахнулся: что тут скажешь?

– Я же вижу, как ты на нее смотришь, – не отставал мой сосед по комнате.

– Ты Анну тоже буквально пожираешь глазами. И что – ты с ней спишь? – парировал я.

Виталик в ответ широко осклабился:

– Я бы с радостью. Но она-то смотрит только на тебя.

Я лег на свою кровать и закрыл глаза. Привычка засыпать мгновенно, выработанная посредством регулярных больничных дежурств, на сей раз мне изменила. В голове одна за другой мельтешили картины, становясь все запутаннее и бессмысленнее: Анна игриво улыбается антиквару... Останки неизвестной девушки лежат на грязных камнях пола... Ларец открыва-

ется, а в нем тускло сияет железным боком метеорит... Экстрасенс рассказывает историю о суеверном крестьянине... Незнакомый старик в зеркале небрежно мне кивает... Девушка из усадьбы вдруг обретает плоть, поднимается с пола и молит: «Найди меня!»... Анна отнюдь не по-дружески шепчет в ухо: «Ну признайся наконец, что ты этого хочешь», я жадно протягиваю к ней руки, и мы вместе проваливаемся в тяжелую, вязкую черноту...

Филипп, 1914

Верховая прогулка с дядюшкой вышла на удивление приятной. Филипп, прекрасно управлявшийся с лошадьми, давно получил дозволение без ограничений пользоваться вежинскими конюшнями, некогда считавшимися лучшими в губернии. Хотя барин в последние годы распродал значительную часть выездных лошадей за ненадобностью, в стойлах все еще наличествовало несколько превосходных орловских коней, способных произвести впечатление даже на французского графа. Мальчик выбрал для себя спокойную кобылку, звавшуюся Флора – как и любимая лошадь ныне царствующего императора Николая. Герман Ильич предпочел гнедого жеребца по кличке Лавр, обнаружив тем самым недюжинное знание лошадей, – здешние кони, практически не ведающие чужих рук, отличались норовистостью по отношению к незнакомцам, и лишь этот гордый и спокойный красавец благосклонно позволял себя оседлать любому. Глядя, как умело и ласково дядюшка снаряжает жеребца, уверенно и нежно похлопывает его по шее, мальчик впервые испытал к своему новоявленному родичу нечто вроде симпатии.

Потом, когда де Вержи пустил лошадь галопом, направляясь к самой живописной холмистой части имения, Филипп оценил великолепную посадку графа вкупе с редкостным владением искусством верховой езды и не без гордости отметил, что сам не особенно отстаёт от дядюшки, хотя прежде ему не приходилось участвовать в подобной скачке. Флора была очень податливой лошадью, управляться с ней было несложно, и сейчас мальчик был ей за это весьма благодарен. Стремительный аллюр по весеннему лугу, все еще сверх меры налитанному влагой, стал серьезным испытанием и для коней, и для всадников. Упоительный запах пробудившейся земли, резкие скрипичные звуки ветра в ушах и простор, раскинувшийся, казалось, до самого края земли... Мальчик давно не испытывал такого пронзительного, всепоглощающего чувства счастья. Нечто подобное прежде ему дарила только музыка.

Он был так увлечен, что не сразу заметил, как дядюшкина лошадь впереди замедляет шаг. На всем скаку подлетев к опушке леса, Филипп увидел, что граф, спешившись, беседует с Агатой, дочкой вежинского священника отца Амвросия. Девушке недавно исполнилось шестнадцать, прежде скромная и незаметная, точно лесной подснежник, она вдруг расцвела невероятной холеной красотой садового цветка. Глядя на нее, мальчик порой был не в силах отвести глаз – так она была хороша. Этот эффект не имел ничего общего с влюбленностью, скорее уж с очарованием искусством, когда от работы, произведенной мастером, захватывает дух. А тут не иначе как потрудился сам величайший Творец. Филипп невольно задумался о сущности красоты. Деревья тоже бывают симметричными и стройными или сучковатыми и кривыми, но мы никогда не назовем корявое дерево некрасивым. А человеческая краса – совсем иное дело. Когда он однажды спросил об этом мосье Деви, тот ответил, что красота человека – гораздо более сложное и многогранное понятие, чем естественное совершенство природы, и процитировал древнегреческую поэтессу Сапфо: «Кто прекрасен – одно лишь нам радует зрение; кто ж хорош – сам собой и прекрасным покажется». Загадка притягательной красоты Агаты была не только во внешней прелести едва раскрывшегося бутона, оказавшегося неведомым сказочным цветком, но и в чудесном, добром, отзывчивом сердце, невидимом сиянии, исходившем от него и налагавшим отпечаток на весь облик девушки.

Сейчас Агата, мило покраснев, показывала рукой на дальние поля и что-то объясняла графу, взиравшему на нее, как показалось Филиппу, с искренним восхищением. Завидев маль-

чика, Герман Ильич отвесил собеседнице шуточный поклон, сказав что-то, от чего ее щеки залились еще более жарким румянцем, и вновь одним ловким движением оказался в седле.

Назад они ехали неспешно. Дядюшка доброжелательно расспрашивал племянника о жизни в усадьбе, внимательно выслушивал ответы и казался на удивление простым и милым, некоторой рассеянностью напоминая своего брата, Якова Ильича. Филипп даже было подумал, что все его демонические черты – лишь часть образа, необходимого для поддержания репутации спирита.

– А что твоя матушка? – осведомился вдруг граф.

– Она умерла шесть лет назад, – неохотно отозвался мальчик.

– Я знаю, – кивнул тот. – Но смерть – лишь врата между мирами. Хотел бы ты с ней поговорить?

Филипп внутренне содрогнулся. Ужас перемешался с надеждой, недоверие вступило в схватку с желанием еще хоть раз услышать слова женщины, в которой прежде заключалась для него большая часть мира... Проведя первые годы жизни в столице, Филипп понимал, что благодаря взглядам матушки Ольги Павловны на воспитание, отличным от мнения общества, он избежал участи других дворянских детей. Потомство было принято держать в строгости, родители не одаривали своих отпрысков ласками, да и вообще мало ими занимались, представляя это хлопотное дело нянькам, дядькам и гувернерам. Барыня Ольга Павловна относилась к своей материнской роли иначе, не только без удержу балуя и лаская сына, но и постоянно душевно с ним беседуя, ненавязчиво прививая тот род благопристойности, что идет от внутренней доброжелательности, а не из страха перед наказанием. Характер мальчика, от природы довольно покладистый, в результате мягких наставлений матушки огранялся подобно алмазу, пока не стал истинным бриллиантом. Прежде чем умереть вторыми родами, Ольга Павловна успела развить в сыне врожденную способность к музыке, подарив ему тем самым неиссякаемый источник блаженства и душевных сил, а ее ранняя смерть, лишив утонченного и ранимого ребенка материнской ласки, придала ему склонность к мирозерцанию. Даже теперь, спустя годы после страшной утраты, он не переставал о ней тосковать...

– Нет, – твердо ответил Филипп. – Не хочу.

И то, как он это произнес, заставило де Вержи мгновенно отступить. Если дядюшка рассчитывал завоевать таким образом сердце племянника, то тут же понял, как сильно ошибся, считая того испорченным мечтателем, избалованным глупой барыней и мягкосердечным отцом до полного слабоволия и бесполезности. За решительным ответом мальчика скрывалась такая внутренняя сила, о какой граф и помыслить не мог.

До усадьбы они доехали в полном молчании. Де Вержи небрежно передал своего жеребца конюху, правда, приглубив на прощание, а Филипп, привыкший сам снимать сбрую и чистить лошадь, повел Флору в стойло.

Если давняя тайная беседа Якова Ильича с мосье Деви была услышана мальчиком случайно, то этот ночной разговор Филипп подслушивал, полностью осознавая, что поступает дурно. Но попытка понять происходящие в усадьбе судьбоносные процессы, тщательно скрываемые за фасадом обычного бытия, ему виделась более важной, нежели соблюдение собственной безупречной нравственности. Уловив чутким ухом в полночной тиши тяжелую поступь батюшки в гостиную, он неслышно прокрался вниз и притаился возле двери мосье Деви. Как и предполагал мальчик, Яков Ильич уединился с учителем, чтобы обсудить своего брата.

В тоне батюшки звучали нехарактерные нотки обеспокоенности:

– Мастер Дий, вы уверены, что богомерзкое занятие Германа не опасно?

– Ах, оставьте, брат мой, спиритизм стал настоящей манией среди всех сословий по всему миру, но ничего по-настоящему дурного он в себе не несет. Практически каждый мыслящий человек рано или поздно проходит через увлечение мистицизмом. Меня беспокоит другое...

Француз умолк, глубоко задумавшись, и Яков Ильич был вынужден прервать его размышления, спросив:

– Что же?

– О вашем брате в Париже ходит много сплетен, по большей части пустых, но кое-что меня тревожит. До меня доходили слухи, что спиритизм для него – только дань моде, способ покрасоваться и впечатлить недалеких обывателей... И ширма для его истинной загадочной деятельности, связанной с древней черной магией.

– Мне казалось, чтобы овладеть магией, недостаточно изучить технический процесс, надо родиться колдуном.

– А он им и родился – разве вы не видите? Он неспроста с рождения наделен столь необычной внешностью – возможно, сам Темный пастырь так отмечает своих овец.

– И чем это может нам грозить? – заволновался Яков Ильич.

Мосье Деви немного помолчал, видимо, затрудняясь с ответом.

– Феномен магии даже в нынешний век научного прогресса практически не изучен, возможности ее неясны, механизм действия неизвестен. Но наши просвещенные братья, собирающие и хранящие древние знания, считают, что черный маг может представлять огромную угрозу не просто для отдельных людей, но и в куда более широких масштабах, если сумеет использовать не только собственную силу, а научится управлять энергией зла, находящейся в других.

– Ну, этих других нужно еще найти.

– Что вы, брат! Изрядная толика зла таится в каждом из нас, и только наша воля мешает тьме вырваться наружу. Всюду, где есть люди, найдется и зло.

– Так вы считаете, что можно ему позволить устроить здесь спиритический сеанс? – вернулся озадаченный Яков Ильич к насущному вопросу.

– Думаю, даже нужно. Чтобы впечатлить присутствующих, ему придется обнаружить хотя бы часть своей силы. Вот мы и посмотрим, на что он способен, – ответил мосье Деви.

Марфа, 1956

В райцентре матери поставили диагноз – аденокарцинома желудка. Оперировать было уже поздно, врачи разводили руками и опускали глаза. Еще не достигшая даже шестидесятилетия Агата приняла приговор на удивление спокойно, шла, едва различимо что-то бормоча, осыпаясь листьями со старых вязов в больничном парке. Марфа расслышала только: «И возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его». Она знала, что мать иногда тайком молится и время от времени достает старинную Библию, спрятанную в доме под ветхими половицами, – подарок отца-священника. Но о чем она просит Господа, в каких грехах кается – не ведала, не принято меж ними было обсуждать такое.

Марфа в тот день пришла на работу подавленной и разбитой. В тесной учительской было жарко натоплено. Возле печки притулился Семен Юрьевич, удобно пристроив культю на широкую лавку. Бывший директор, которому было уже к семидесяти, после выхода на пенсию продолжал каждый день являться в школу. Жена его, запомнившаяся сельчанам своим сварливым нравом, лет десять уж как покоилась на погосте, и дома он не находил себе места. Его шаткая, постукивающая костылями фигура стала словно неотъемлемой частью местного храма знаний – просторной школьной избы с большими окнами. В райисполкоме давно шли разговоры, что вежинскую сельскую школу пора закрыть, а из года в год все более малочисленных ее учеников перевести в город, до которого автобусом всего-то сорок минут пути. Марфа ожидала этого события с мучительной тоской. Ее родное село постепенно вымирало. Душу его вырвали уже давно, Марфа была тогда слишком мала, чтобы помнить все в подробностях, но день, когда в церкви иконы заменили на портреты вождей, запечатлелся в ее памяти. С тех пор как ее деда

Амвросия увезли в город, они с матерью остались вдвоем в старом флигеле бывшей барской усадьбы, и много лет, до самой учебы в Ленинграде, Агата была для Марфы единственным близким человеком. А теперь мама так неожиданно и преждевременно уходит...

– Голубушка, да на тебе лица нет! – воскликнул старый директор, прервав ее воспоминания. – Что, Агата Амвросиевна-то совсем плоха?

Марфа в ответ только тяжело вздохнула.

– А я ведь помню твою мать совсем девчонкой, красавица была, каких еще поискать, – пустился вдруг в воспоминания старик.

Вообще, Семен Юрьевич не отличался особой разговорчивостью, материал урока детям – да, излагал великолепно, аж заслушаешься, и на вопросы их любые находил ответ, а вот о личном и особенно о прошлом болтать не любил.

Марфе всегда казалось, что в его отношении и к ней самой, и к ее матери, внешне вполне обыкновенном и ровном, есть доля глубокой, затаенной неприязни, но всегда это относилась за счет того, что школьный директор был ревностным большевиком, а они – дочерью и внучкой священника. Слово «поп» в нынешние времена стало практически хулой, а прежде, до революции, по рассказам Агаты, ее дед был на селе самым уважаемым и почитаемым человеком.

– Внешне-то она была красавица, да только внутри с изъязном, – заключил Семен Юрьевич, тем самым впервые вслух подтвердив догадку Марфы.

– Не было в ней никакого изъязна! – вступилась она за мать. – Может, мама и родилась в семье священника, но всю жизнь трудилась честно, выучилась на агронома, в колхозе всегда считалась передовиком...

На лице старика при этих словах расплылась мерзкая усмешка.

– Да ты, никак, не знаешь ничего о матери-то своей. Я-то думал, она тебе рассказала, дело все ж прошлое, давнее. Али ей до сих пор стыдно?

Марфа не понимала, о чем речь, с матерью они никогда былого не обсуждали, но догадывалась, что гнусные намеки бывшего директора связаны с историей ее появления на свет. То, что Агата родила ребенка, не будучи замужем, конечно, бросало тень на ее моральный облик, но, заботливо вырастив дочь и никогда больше не вступая в сомнительные отношения, она давно искупила свою вину, если была таковая. Да мало ли в их селе женщин, родивших незнамо от кого? Вон хоть школьную уборщицу Нюру возьми – трое детей от разных мужиков, и никто ей в глаза этим не тычет. Марфа обычно старалась ни с кем не ссориться, лишь переживания за кого-то из своих учеников могли ее заставить вступить в битву с непостижимой и непробиваемой логикой местных жителей. Но сегодня, расстроенная болезнью матери, она не выдержала и огрызнулась:

– А вам, Семен Юрьевич, разве совсем нечего стыдиться?

Стрела, пущенная в небо, неожиданно угодила в цель. Старик смутился, глумливая гримаса с его лица мгновенно исчезла, а густые седые брови сошлись к переносице. Насупившись, он буркнул:

– У кого это, интересно, язык распустился?

Марфа мстительно промолчала, мол, думай теперь сам, что мне о тебе известно, и пошла в класс – пора было начинать урок.

С уроком тоже вышло неладно – рассказывая детям о японской девочке Сасаки Садако из города Хиросима, она расплакалась. История действительно была полна трагизма: умирая от лейкемии, вызванной взрывом американской бомбы, девочка узнала о легенде – человек, сделавший тысячу бумажных журавликов, может загадать желание, и оно обязательно исполнится. С тех пор Садако из каждого попавшего ей в руки листочка бумаги мастерил птиц. Девочка складывала бумажных журавликов до самой своей смерти, случившейся год назад. Как это, должно быть, страшно: знать, что скоро умрешь, подумала Марфа и не сдержала слез. Многие

ученики тоже заплакали, а директор Борис Семенович, прознав об этом, закатил ей выговор, намекнув, что таким истерическим особам, как она, лучше к детям вообще не приближаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.